

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ЛУННАЯ
ДОРОГА
В НИКУДА

Высоко держи голову,
верь в свою счастливую
звезду и знай,
что ты достойна
лучшей доли!

Людмила Мартова
Лунная дорога в никуда
Серия «Желание женщины»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51392111

Лунная дорога в никуда : [роман] / Людмила Мартова: Эксмо; Москва;

2020

ISBN 978-5-04-110366-8

Аннотация

Даша предвкушала увлекательный театральный тренинг в уютном гостевом доме на берегу Плещеева озера, а оказалась внутри самого настоящего детектива! Американец Сэм Гольдберг, приехавший в Россию на поиски ребенка, которого он никогда не видел, так и не дождался встречи с ним – его зарезали в собственной спальне. Из-за дождя речка вышла из берегов и размывла мост, перекрыв дорогу в усадьбу, поэтому ее обитателям придется расследовать это преступление самостоятельно. Хорошо, что среди них есть полицейский Евгений Макаров. Даша чувствовала себя обязанной ему помочь, ведь именно она, сопровождая Сэма в качестве гида, предложила ему приехать в этот гостевой дом...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	31
Глава третья	66
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Людмила Мартова

Лунная дорога в никуда

*Актрисе и режиссеру Екатерине Морозовой,
случайно встреченной и тем не менее вдохновившей*

*Пришла и говорю: как нынешнему снегу
легко лететь с небес в угоду февралю,
так мне в угоду вам легко взойти на сцену.
Не верьте мне, когда я это говорю.
Белла Ахмадулина. Взойти на сцену*

Глава первая

Выстроенные с привычной тщательностью планы рушились, и виной тому был Сэм. Впрочем, каждое его появление вносило в размеренную Дашину жизнь хаос, можно и привыкнуть. Но если раньше речь шла всего лишь о переносе парочки занятий или перепоручении коллегам нескольких неважных экскурсий, то сейчас на кону стояла недельная поездка в гостевой дом на берегу Плещеева озера, и отказываться от нее Даше не хотелось.

Дело было даже не в деньгах, которые она неминуемо теряла. Сэм не скупился и оплачивал ее услуги хорошо. Точнее, даже отлично. В первый раз, когда он провел в Москве десять дней, Сэм заплатил ей по сто долларов за каждый. Когда он уехал, они с Денисом махнули на эти деньги в Турцию. На безмятежную неделю у теплого моря как раз хватило.

В прошлом году, когда Сэм внезапно объявился снова, Даше пришлось ехать в Питер, чтобы возить своего американского клиента по городу и окрестностям, составлять ему компанию в ресторанах, терпеливо мерзнуть, ожидая развода мостов, а главное – выслушивать его бесконечные истории из жизни, к слову, те же самые, что и в первый раз. Сэм вообще был похож на заезженную пластинку, повторяя одно и то же размеренным, лишенным интонаций голосом.

Несмотря на все свои деньги, а может быть, и благодаря

им он казался человеком довольно ограниченным и неинтересным: в живописи не разбирался, классическую музыку не признавал, от предложений сходить в театр – хоть в Большой, хоть в Мариинку – шарахался как черт от ладана и, кажется, в жизни своей не прочел ни одной книги.

В поездках по миру он не заходил ни в один музей, предпочитая лишь рассматривать здания снаружи, пропитываться особым духом, присущим каждому городу, с любопытством рассматривать местных и пробовать еду в дорогих ресторанах. Впрочем, в самые пафосные Сэма не пускали, несмотря на его миллионы, слишком непрезентабельно он был одет.

В довершение ко всему Сэм не умел пользоваться Интернетом. Переезжая из Москвы в Лондон, оттуда в Париж, затем в Амстердам, Шанхай, а потом в Питер, он в каждом городе бронировал для себя англоязычного гида, обязательно с машиной, который составлял бы ему компанию и прокладывал маршрут.

Гид искал ему следующего в недрах мировой паутины, списывался с ним, договаривался о сотрудничестве, а потом уже Сэм, приезжая в страну, звонил по выданному ему номеру, обсуждая детали встречи и оплату. К людям он, видимо, прикипал, потому что, раз выбрав себе экскурсовода в той или иной стране, больше его не менял и в случае повторных визитов звонил снова, формулируя новую задачу.

Неизвестно, как другие гиды, но Даша была готова тер-

петь любые его чудачества, потому что в Питере он заплатил ей по двести долларов за сутки, а также полностью компенсировал расходы на отель, поселив рядом с собой, и не где-нибудь, а в знаменитом «Англетере», да еще в полулюксе с видом на Исаакиевский собор.

После его десятидневного визита они с Денисом смогли позволить себе Рим, о котором Даша всегда мечтала. Как оказалось, совершенно напрасно, потому что именно там, в Риме, Денис и сказал ей, что им нужно расстаться. Он тогда много чего говорил, Даша не все запомнила, но отдельные фразы еще долгое время внезапно всплывали в памяти, впиваясь иголками в мозг.

Оказывается, с ней невозможно жить, потому что Даша педант и зануда, живет по заранее составленному расписанию, в котором нет места творчеству и полету фантазии. Ее размеренная жизнь душила Дениса, лишала воздуха и возможности свободно дышать. Правда, эта самая размеренность и сопровождающая ее регулярная зарплата позволяли Денису ездить за границу, ужинать в дорогих ресторанах и покупать одежду в фирменных бутиках, потому что сам он, как правило, не работал, не видя ничего позорного в том, чтобы сидеть на Дашиной шее, как это формулировала ее мама. Но не обращать же внимания на такие условности.

Когда он объявил, что им нужно расстаться, Даша даже не поверила сразу в серьезность его слов, потому что жить без нее, а точнее, ее денег, которые она собирала по крупицам,

проводя экскурсии, берясь за репетиторство и переводы, а также организуя всевозможные праздники и прочие мероприятия, требующие навыков хорошего менеджера-логистика, Денис точно не мог.

Как выяснилось позже, расставаясь с ней, он уже имел надежный «запасной аэродром». Его новая подруга была гораздо успешнее и состоятельнее Даши, не такой замотанной, а совсем даже наоборот, ухоженнее и красивее, руководила собственным бизнесом, а не ублажала забултых стариков, решивших вдруг посмотреть Россию. Он тогда так и сказал: «ублажала», и Даше немедленно стало стыдно, как будто она и впрямь делала что-то неприличное, беря заказы от иностранных туристов, к примеру того же Сэма.

Новая подруга твердо намеревалась приобрести статус жены, поэтому оглушивший Дашу развод произошел практически сразу же после их возвращения из Рима. Так как все шесть лет брака жили они в однокомнатной квартирке, доставшейся Денису от бабушки, после развода, а точнее, еще в процессе Даше пришлось съехать обратно к маме.

Та, никогда не питавшая теплых чувств к бездельнику-зятю, в выражениях особо не стеснялась, даже не догадываясь, какую боль причиняют ее резкие слова родной дочери. Даша старалась бывать дома как можно реже, загружая себя работой сверх всякой меры.

Ела она на бегу и всяческую ерунду, на свой внешний вид махнула рукой, потому что нравиться теперь было некому.

За полгода поправилась на шесть килограммов, встав на весы, ужаснулась этой цифре и тут же кинулась заедать ее чипсами. Свободного времени было немного, но проводить его Даша пыталась так, как никогда раньше. Сначала она отправилась в поход с палаткой, хотя терпеть не могла бытового дискомфорта, и, естественно, жутко простудилась. Затем купила себе самокат, с которого упала в первый же день и провела две недели в фиксаторе голеностопа, отчаянно хромя и лишившись возможности проводить экскурсии. И, наконец, записалась в самодеятельный театр, где встретила Катю. Катя ее спасла.

– Я живу с мамой, – так начала рассказ о себе Даша, когда пришла на первое занятие в театральную студию под названием «Открытый театр». Даше хотелось верить, что открыт он в том числе для нее и не помещающейся внутри боли. – До недавнего времени жила с мужем, а сейчас – с мамой. Раньше я была уверена, что все люди рождены для любви и быть счастливым – очень просто. Сейчас я знаю, что это не так. Некоторым людям просто судьбой предначертано не быть любимыми, счастливыми и жить с теми, с кем они хотят. Это нормально – просыпаться утром и знать, что ты – просто массовка для тех, кому повезло больше тебя.

– Наша труппа – это место, где каждый участник массовки рано или поздно играет главную роль, – мягко сказала тогда Катя. – Скажи, тебе ведь хочется что-то изменить? В жизни или в себе?

Даша задумалась. В той жизни, которую она сейчас вела, ее не устраивало абсолютно все. Но изменить? Или, что еще хуже, измениться самой? Это значит стараться, бежать куда-то, что-то доказывать, надеяться, а в самый последний момент в очередной раз понять, что ты неудачница и слабачка, с которой невозможно существовать рядом, поскольку твое присутствие невыносимо.

– Я бы хотела иметь свою квартиру, – наконец сказала она. – Крохотную, с маленькой кухонькой, где на подоконнике стоит банка с чайным грибом и весело булькает кипящий чайник, а в комнату входит только узкая кровать, небольшой шкаф и комод с телевизором. Чтобы у меня обязательно был торшер в углу, такой, с мягким желтым светом, похожим на кусок сливочного сыра. И еще фикус, который нужно поливать и с которым можно разговаривать, когда становится совсем одиноко. И еще чтобы за окном падали снежинки, а я смотрела на них и пила горячий чай с малинишным вареньем. – Она так и сказала – «малинишным», потому что слово это казалось уютным, как и вся представляемая ею сейчас картинка.

– Если бы у меня была такая квартира, то вечерами я бы сидела дома, смотрела хорошее кино или читала книги. Но пока я живу с мамой, мне нужно куда-то уходить. Это, наверное, непонятно, но дома я не могу быть самой собой.

– Чтобы стать самим собой, нужно сыграть кого-то другого, – загадочно сказала Катя и добавила: – Ты правильно

сделала, что к нам пришла.

Тогда Даша не очень поняла, правильно она поступила или нет. Она вообще не очень понимала, что происходит вокруг и что означают странные Катины слова. Это уже потом, на занятиях, она смогла прочувствовать и оценить необычный метод, придуманный Катей, актрисой и режиссером Екатериной Холодовой, который сочетал в себе любительский театр и психологическую лабораторию.

На Дашиных глазах одной из очень скромных девушек, которая никак не могла перебороть застенчивость, Катя дала сыграть Катарину в «Укрощении строптивой». Даша глазам своим не верила, видя на сцене властную неукротимую женщину, помыкающую всеми и вся. Всего через три месяца после сыгранного отрывка девушка познакомилась с молодым человеком и очень быстро вышла замуж. Второе «я», жившее где-то глубоко внутри, вырвалось наружу, заявило о себе в полный голос и заставило стать другой.

На каждом занятии, которые они, впрочем, как и положено театральному люду, называли репетицией, кто-то новый раскрывал себя, доставая из тайников души качества, о существовании которых даже не подозревал. Эти поиски своего глубинного «я» так захватывали, что человеку становилось интересно с самим собой, а ведь давно известно: только тот, кто интересен себе, становится интересен и окружающим.

Одна из участниц импровизированной труппы, немоло-

дая уже дама, играя Аркадину в чеховской «Чайке» и объясняясь в любви Тригोरину, вдруг встала перед ним на колени. Как она потом объясняла, у нее с юности была эта фантазия. Она так любила одного из своих мужчин, что мечтала признаться ему в любви, стоя на коленях, только не могла решиться. С тем романом ничего не вышло, и вот сейчас, спустя почти тридцать лет, благодаря Кате и ее необычному методу эта женщина смогла испытать невероятные чувства, пусть на мгновение, но вернуться в ту пору, когда она была молода, прекрасна и влюблена.

Катя любила импровизации и частенько давала им задание разыграть ту или иную сценку, подсмотренную в жизни. Например, вы муж и жена, и вот поссорились. Но если в реальности в такой ситуации человека ведут эмоции, то здесь, на сцене, у них была возможность проанализировать свои слова, прочувствовать стоящие за ними поступки, выработать контраргументы, жизненные ходы или приемы, которыми потом можно будет воспользоваться, оказавшись в аналогичной ситуации.

«Проиграй проблему, чтобы найти из нее выход», – так советовала Катя. И Даша, воспользовавшись советом, проиграла тот, римский разговор с Денисом. Внезапно нашлись слова, которыми она смогла объяснить, что вовсе не лишняя, ненужная и мешающая жить. Растворилась жгучая обида, которая разъедала внутренности, не давая сконцентрироваться ни на чем полезном. Захотелось жить, дышать, есть

вкусную еду, красить глаза, носить узкие юбки, а не бесформенные балахоны, пользоваться духами и думать о будущем.

Придя в театр, Даша за полгода похудела, похорошела, привела в порядок свои финансовые дела и, взяв ипотеку, купила маленькую квартирку, именно такую, как мечтала, в которой будет торшер, фикус и чай с вареньем. Правда, для того чтобы переехать, в квартире было необходимо сделать ремонт, но это уже казалось форменной ерундой. Даша даже не сомневалась, что справится.

К Кате она относилась как к божеству, не веря до конца, что эта волшебная неземная женщина может стать ей другом. В том, как она восстановила из руин Дашину жизнь, было что-то магическое.

– Ну, конечно, это магия, – смеясь, согласилась Катя, когда Даша поделилась с нею своими мыслями. – Магия театра. Понимаешь, здесь человек, становясь другим, может решать свои психологические проблемы. Импровизируй, вступай в контакт с другими людьми, превращайся на глазах у них в совершенно другого человека, отслеживай их реакцию, пробуй, отказывайся и снова пробуй, ищи то, что действительно твое. Я убеждена, что это работает.

На лето в «Открытом театре» были объявлены каникулы, и Даша с нетерпением ждала осени, чтобы снова приступить к занятиям. Она очень обрадовалась, когда в середине августа ей позвонила Катя и попросила помочь с реализацией новой идеи. Та задумала выездной тренинг: группа желающих

должна была уехать за город, в уединенное место, где ничто не отвлекало бы от искусства, и в течение недели утром слушать лекции об основах систем Станиславского, Вахтангова и Мейерхольда, а также других мастеров сцены, днем разыгрывать импровизации, снимая внутреннее напряжение и решая психологические проблемы, а вечером репетировать роли в большом серьезном спектакле, чтобы сыграть его перед отъездом. И все это на природе, под шум стучащего по крыше осеннего дождя и треск дров в камине, под настоящий самовар и падающие разноцветные листья.

Для того чтобы вся эта сказка стала реальностью, нужно было найти подходящее место, договориться о брони, собрать желающих, готовых заплатить за подобное времяпрепровождение, подобрать пьесу и костюмы, продумать логику, решить вопрос с питанием, учесть сотню мелочей и соединить несоединяемое. Во всем этом Даше Муромцевой не было равных.

За подготовку выездных гастролей «Открытого театра» она взялась рьяно и с огромным удовольствием. Во-первых, саму поездку она предвкушала как в детстве обещанную ко дню рождения порцию мороженого. Маленькая Даша часто болела ангинами, а мороженое мама ей запрещала, балуя лишь раз в году, на день рождения. И не было для Даши ничего более праздничного и желанного, чем вазочка со сливочными шариками: ванильным, клубничным и шоколадным.

Во-вторых, как наемному работнику, организующему выезд, ей полагалась пусть скромная, но оплата, а сейчас, когда в новой квартире предстояло сделать ремонт, деньги были совсем нелишними. Ну и в-третьих, уехать на неделю от разлитого в комнатах маминого недовольства Дашиным несовершенством было очень кстати.

Загородный гостевой дом нашелся быстро. Последняя неделя сентября особым спросом не пользовалась, поэтому Даша имела возможность придирчиво копаться в вариантах, выбирая то, что им с Катей особенно понравится. Нужный дом оказался пятым или шестым по счету. Точнее, это была целая усадьба, расположенная в Ярославской области, на берегу знаменитого Плещеева озера, причем в стороне от населенных пунктов.

Рекламное объявление обещало тишину, изоляцию от шума и суеты, домашнюю кухню из экологически чистых продуктов, выращенных неподалеку, комфортные номера со всеми удобствами, теплую веранду, на которой можно соорудить импровизированную сцену, зал с камином, а в довершение ко всему еще и сосновый бор поблизости. До ближайшего городка Переславля-Залесского на машине было минут двадцать езды, это на тот случай, если кому-то из гостей надоест сидеть затворниками, а 130 километров, отделяющие усадьбу от Москвы, тоже вряд ли могли считаться серьезным препятствием для желающих уехать.

Впрочем, на одних москвичей Катя решила не рассчиты-

вать, попросив Дашу раскидать рекламу в социальных сетях. Расширить географию «Открытого театра» было ее мечтой, и недельная поездка на Плещеево озеро могла дать толчок для развития этой богатой идеи, с которой Даша, разумеется, была полностью согласна.

Отклики на рекламу пошли довольно быстро. Группа постепенно укомплектовывалась, сомнений в том, что все получится, не было, и до отъезда оставалось всего две недели, когда объявился Сэм.

– Хелло, Даша, – услышала она в трубке и едва не застонала от огорчения. Господи, ну сделай так, чтобы он собрался приехать через месяц, когда вся эпопея с театральным тренингом будет уже позади!

Но нет, Сэм собирался прилететь в Москву ровно накануне того дня, когда Даше нужно будет уезжать. И что делать? Зная Сэма, она была уверена, что он и слушать не захочет о том, чтобы взять другого гида.

– Нет, нет и нет, – решительно заявил он, когда Даша, потея и мямля от неловкости, сообщила ему, что уже ангажирована именно на то время, в которое он на нее рассчитывает. – Я даже слушать ничего не желаю. Я готов платить тебе триста долларов в день, поэтому ты должна отказаться от другой работы.

– Я уже не могу, – соврала Даша, не в силах признаться, что на самом деле она не хочет отказываться. Мысль о трехстах долларах в день жгла мозг, потому что деньги были

очень нужны, но подводить Катю и отказываться от желанной поездки Даша не собиралась.

— Где вы на этот раз собирались побывать, Сэм? — спросила она, руководствуясь скорее практическими соображениями по поиску нового гида, который мог бы ее заменить, чем чувством долга или искренним интересом. — Москву и Санкт-Петербург вы уже видели. Что вас интересует теперь?

— Мне нужно побывать в маленьком русском городе, который называется Переславль-Залесский, — услышала Даша и чуть не упала со стула. — Говорят, он очень красив, там много храмов и прекрасная природа. И мне нужно, чтобы со мной поехала именно ты и никто другой. Я больше никому не доверяю, а у меня в Переславле есть очень важное дело. Мне надо найти там одного человека.

Решение, как все совместить — удовлетворить запросы Сэма, заработать денег, не подвести Катю и съездить на тренинг «Открытого театра», — пришло в Дашину голову мгновенно.

— У меня для вас хорошие новости, Сэм, — сказала она, набрав побольше воздуха, чтобы придать голосу убедительности. — А как вы посмотрите на то, чтобы...

* * *

Макаров злился. С понедельника у него начинался отпуск, который он планировал провести на море, в Турции. С этого года полицейским наконец-то открыли туда выезд, и Ев-

гений предвкушал расслабление на песчаном пляже с полосатыми шезлонгами, заплывы в теплой соленой воде до далеких буйков, где нет никого, кроме дельфинов, сытные завтраки по системе «все включено», вкусные алкогольные коктейли в течение дня и холодное розовое вино на ужин.

Знакомство с какой-нибудь страстной красавицей, охотницей за приключениями, он тоже предвкушал – для чего еще нужен отпуск, если не для жаркого, но недолгого романа, не чреватого ни возможными выяснениями отношений, ни, чего доброго, женитьбой. После недавнего развода надевать на шею новое ярмо Макаров не стремился, а выяснять отношения терпеть не мог.

В отпуск он планировал отправиться вдвоем с Игнатом Лаврентьевым, другом и напарником по поисковому отряду, в состав которого Макаров входил по зову сердца. Вернее, втроем, потому что у Игната была подруга, с которой он и собирался в романтическое путешествие. Женю это вполне устраивало – третьим лишним он быть не собирался, а вместе не так скучно.

Первую половину отпуска они с Игнатом провели, как всегда, на раскопах, которые в этом году шли на бирюковских болотах, но путного ничего из этого не вышло, потому что вместо поиска останков советских солдат они ловили беглых зэков, искали затонувшие алмазы и расследовали два убийства, одно из которых произошло практически на

их глазах, а второе за сорок лет до этого¹. Так что теперь, взяв в конце сентября остатки положенных отпускных дней, оба надеялись хорошенько отдохнуть от ярких впечатлений, для чего сонная и спокойная Турция подходила как нельзя лучше.

И вот на тебе! До отпуска оставалось всего-то десять дней, и Макаров уже практически собрал чемодан, покидав туда немногочисленные шорты и майки и не забыв плавки, когда ему позвонил Игнат и напряженным голосом сообщил, что у него изменились планы и ни в какую Турцию он не едет.

– В смысле? – не понял Макаров. – У нас же путевки оплачены.

– Путевки у нас обратно примут и деньги вернут, Настя договорилась, – сказал Игнат все тем же напряженным голосом. Настей звали его девушку, ту самую, которая была третьей в их срывающемся путешествии. – Так что ты сам реши, если хочешь, поезжай один, у тебя все равно номер отдельный, ты на нас никак не завязан. Не хочешь – забирай деньги назад и поехали с нами.

– Куда? – не понял Макаров. – Куда вы так резко намылились, что от уже оплаченной Турции отказываетесь?

– В Переславль-Залесский, – услышал он и чуть не свалился с дивана. – Точнее, в какую-то усадьбу на выселках. Там театральный семинар объявили, и Настя во что бы то ни стало хочет туда поехать.

¹ Подробнее читайте в романе Людмилы Мартовой «Туман над темной водой».

– Чтооооо? – Макаров заревел как медведь, разбуженный в берлоге примерно за два месяца до начала оттепели. – Игнасио, друг мой, ты вообще себя слышишь? Вы, а вместе с вами с какого-то перепугу и я, должны похоронить наши планы на двухнедельный отпуск на море по системе «все включено», чтобы отправиться на какие-то никому не нужные выселки, чтобы там в холоде участвовать в семинаре по театральному искусству, а в перерыве ходить в деревенский нужник?

– Я же тебя не заставляю, – мрачно сказал Игнат. – Ты можешь отправляться к морю за солнцем, коктейлями, знойными красотками и розовым вином в запотевшем бокале. А я не могу. Настя сказала, что это очень важно для нее. Она чуть не плакала, и я не смог отказать. Отношения в паре так устроены, что один должен идти навстречу другому.

– В рамках разумного! – гаркнул Макаров. – А менять Турцию на Переславль-Залесский в конце сентября – это неразумно! Ради какой великой цели, хотел бы я знать? Твоя Настя что, собирается стать великой артисткой?

Насколько он знал, Настя работала в туристической компании, благодаря чему они и нашли очень недорогую путевку, которую теперь у них были готовы принять обратно. И откуда у нее вдруг взялась такая непреодолимая тяга к театру?

– Жека, я понимаю, ты злишься, потому что я ломаю твои планы, – примирительно сказал Игнат. – Но на Настю я тебе наезжать не дам. Если женщина хочет, значит, мужчина

должен сделать. Меня этому отец учил. Своим живым примером, между прочим! Так что мы с Настей уезжаем в Переславль, и раз это ей так надо, значит, я буду целую неделю разыгрывать сценки в самодеятельном театре. А ты поступай, как тебе удобнее.

По уму, надо было послать Игната к чертям и уехать в Турцию одному. Познакомиться там с веселой девахой без комплексов и оторваться по полной программе, как изначально и планировалось. Хочется Игнату податься в артисты – ради бога. Евгений Макаров и сам не знал, почему велел сдать и его путевку тоже. Сейчас, сидя за рулем машины, увозившей его, Игната и Настю в неведомую усадьбу, он злился на себя даже больше, чем на друга-подкаблучника.

И как так вышло, что он согласился на эту аферу, из которой точно не выйдет ничего хорошего? Предстоящая неделя казалась скучной, атмосфера провинциального загородного дома – унылой, незнакомая публика – с тараканами в голове. Эх, пропала неделя отпуска, как есть пропала! Игнат, чувствуя раздражение друга, сидел на соседнем сиденье молча, и даже болтушка Настя притихла сзади. Знает кошка, чье мясо съела! Из-за нее же отпуск псу под хвост. Нет, все беды в этой жизни точно из-за баб.

С этой мрачной мыслью Макаров съехал с ровной и аккуратной трассы в Переславль. Последний раз он бывал здесь лет восемь назад и то проездом и ночью. В памяти сохранились выбоины на дорогах, погруженные в тьму улицы с ред-

кими тусклыми фонарями, облезлые старые дома и общая унылость, в которую, казалось, был погружен городок.

Сейчас же Евгений вертел головой по сторонам и не мог прийти в себя от удивления. Асфальт был ровным, улицы чистыми и словно умытыми, дома отреставрированными и покрашенными. То там, то сям всплывали вывески музеев, и на десятом Макаров понял, что, пожалуй, сбился со счета. Здесь явно ждали туристов и пытались им угодить. Гостевые дома и маленькие отели тоже степенно стояли на обочинах, словно кланяясь дорогим гостям, несколько раз встретились указатели на Плещеево озеро, но навигатор в машине вел дальше, и Евгений вспомнил, что усадьба, в которой им предстояло провести неделю, расположена за городком, где-то на отшибе.

Внезапно ему отчаянно захотелось уже доехать в покой и уют того места, где их ждали. Сентябрь в этом году выдался холодным, в домах еще не топили, и по ночам Макаров довольно сильно мерз. Рекламный проспект, который скинула ему Настя, когда Макаров сухо об этом попросил, обещал, что в гостевом доме будет центральное отопление в комнатах и камин в общей гостиной, цивилизные ванные комнаты и туалеты с горячей водой и подогреваемыми полами, а также неимоверная красота золотой осени за окном.

Деревья на трассе уже были одеты «в багрец и золото», в аккурат по Пушкину, и неожиданная поездка впервые показалась ему не такой уж глупой затеей. Может, и бог с ней, с

этой незадавшейся Турцией! А страстная красotka для души и тела, быть может, и здесь найдется.

У него вообще был легкий характер. Макаров не умел долго дуться и расстраиваться по поводу того, что невозможно изменить. Если уж так случилось, что Турция отменилась, значит, у судьбы на Евгения Макарова есть свои планы, отличные от его собственных. А значит, так тому и быть.

– Ну, слава богу, отошел, а то уж я боялся, что зашибешь ненароком, – на соседнем кресле заерзал, отдуваясь, Игнат. – Слышь, Насть, его высочество больше на нас не сердится. А там, глядишь, еще и благодарен будет, что мы его спасли от солнечных ожогов, игл морских ежей и отравления несвежей едой.

– То есть ты еще и благодетель, – откликнулся Макаров, сворачивая на узкую неасфальтированную дорогу, которую указывал навигатор. Дорога вела через поле. С одной стороны, совсем рядом ласково плескалось озеро, словно нашептывало что-то. С другой – росли камыши, и Макаров неожиданно поморщился – они до боли напомнили ему бирюковские болота, от событий на которых он, оказывается, отошел еще не полностью. Интересно, если пойдут затяжные дожди, здесь можно будет проехать?

Впрочем, думать о возможном апокалипсисе было некогда. Дорога, изгибаясь и виляя по полю, уже привела их к большим деревянным воротам, крепящимся на чугунной, очень добротной ограде. За воротами обнаружился большой

трехэтажный дом с красной черепичной крышей, на первый взгляд крайне недешевой, выложенная качественной плиткой парковка на шесть машин, увитая покрасневшими листьями дикого винограда уличная беседка с большим крытым мангалом рядом, а также три домика поменьше, чуть в отдалении. Усадьба.

На парковке стояли ярко-алый «Порше», микроавтобус «Фольксваген» и скромный «Опель». У мангала коренастый здоровый мужик в стеганой безрукавке поверх спортивного костюма укладывал ровной стопкой дрова. Он повернулся и посмотрел на паркующуюся машину. Макаров по профессиональной привычке успел отметить острый взгляд, брошенный из-под лохматых бровей, и короткую ухмылку, на мгновение искривившую полные, хорошо очерченные губы. Что ж, к гостям тут относятся снисходительно, так и запишем.

От входных дверей к ним уже спешила ладно скроенная молодая женщина с короткой стрижкой на светлых густых волосах. Как равнодушно отметил Евгений, довольно симпатичная, не более. Такие скромные тихони были не в его вкусе. Яркие броские брюнетки с вызовом в томном взоре заставляли его кровь закипать, и, если уж проводить гастрономические параллели, то он предпочитал мясо, а не рыбу.

– Здравствуйте, – скороговоркой заговорила женщина, – рада приветствовать вас в усадьбе. Меня зовут Даша, я организатор этого тренинга, точнее сказать, менеджер. Со всеми вопросами, связанными с вашим пребыванием здесь, мо-

жете обращаться ко мне. Сейчас мы пройдем к администратору, где вы сможете получить ключи от своих комнат. Екатерина Холодова, автор «Открытого театра», придет чуть позже, поэтому официальное знакомство и старт программы состоятся вечером, после ужина. Пока же вы можете располагаться и отдыхать. На первом этаже, в гостиной, накрыт чай с пирогами. Часть гостей уже приехала, но еще не все.

– И сколько человек участвует в этом безумии? – спросил Макаров, привыкший вникать в детали. В его работе от деталей частенько зависела жизнь.

– Организаторов трое: автор методики Екатерина Холодова, я и наш костюмер Маргарита Романовна. Вместе со мной приехал гость, господин Сэм Голдберг. Он не участвует в программе «Открытого театра», но проведет эту неделю тут, с нами. Кроме того, в доме живет еще одна семья, которая просто приехала отдохнуть. Они забронировали номер еще до того, как я выбрала этот гостевой дом для нашего мероприятия, но я уверена, что они нам не помешают. Это семейная пара с двумя детьми. Собственно участников «Открытого театра» девять человек, включая вас троих. Один коттедж пустует, во втором живет деловой партнер Михаила Евгеньевича, это муж нашей хозяйки Татьяны и владелец усадьбы. Третий – принадлежит самим хозяевам.

«Всего около двадцати человек, это не считая администраторов, горничных и поваров, – быстро посчитал Макаров. – С одной стороны, довольно много, тихого спокойно-

го отдыха не получится. С другой – шансы найти себе пару для короткого романа все-таки есть». Настроение у него продолжало повышаться, хотя он и сам не мог сказать, от чего именно.

Стоять на улице было холодно, изо рта шел пар, ноги в тонких ботинках начали примерзать к плиткам парковки. Мужик у мангала, видимо, тот самый Михаил Евгеньевич, продолжал кидать косые, недружелюбные взгляды. На чело- века, у которого мог быть деловой партнер, он не походил ни капельки, да и бог с ним. С озера дул резкий ветер, стелив- ший траву вдоль земли и заставлявший возмущенно шеп- таться деревья.

– Женька, ты идешь или стоишь? Холодно же, – позвал друга Игнат, уже доставший из багажника сумки.

– Да, иду. – Макаров скинул с себя так не вовремя охва- тившее его оцепенение, подхватил свою сумку, запер маши- ну и поспешил ко входу в дом. Рядом с ним шла менеджер, Даша, кажется. Ветер трепал ее стильную стрижку, откры- вая тонкую шею и маленькие, розовые от холода уши с се- режками-гвоздиками в просвечивающих на осеннем солнце мочках. От чего-то их вид Макарова умилил. Он придержал тяжелую дверь, пропуская молодую женщину вперед, и она поблагодарила его кивком головы, машинально, словно и не заметив.

Макаров усмехнулся про себя и тут же замер, пригвож- денный к месту невиданной картиной. У стойки админи-

стратора стояла ослепительная красавица. Длинные каштановые волосы, в художественном беспорядке рассыпавшиеся по безукоризненной спине, тонкая шея с приличным бриллиантом в ложбинке, тонкой лепки лицо, над которым не покладая рук трудился высоkokлассный косметолог, огромные глаза с плещущейся в них синевой, высокая грудь, тонкая талия, округлая попка, длинные стройные ноги... Дальше он не успел ничего разглядеть, потому что закашлялся от нехватки воздуха. Оказывается, заметив диву, он перестал дышать.

В сторонке понимающе засмеялся Игнат. Менеджер Даша оглянулась, оценила ситуацию, и ее лицо тут же приобрело скучающее выражение, как будто она что-то для себя поняла про него, Евгения Макарова. Впрочем, мнение какой-то там Даши его совершенно не интересовало, в отличие от знойной красавицы у стойки.

Она уже закончила выяснять то, что ее интересовало, и отошла, уступив место Игнату с Настей. Макаров решил не терять времени даром.

– Здравствуйте, разрешите представиться. Меня зовут Евгений, можно Женя. А вас?

Она еще не успела ответить, а Макаров уже разглядел и прозрачную чистоту бриллианта между ключицами, и фирменный знак Шанель на крохотной сумочке с цепочкой через плечо, и крупный логотип Гуччи на вставленном в джинсы ремне из мягкой коричневой кожи. Разглядел и вспомнил,

что на нем самом спортивный костюм, купленный в «Спорт-мастере» и кроссовки «Адидас» сомнительного происхождения.

Красавица по «адидасу» скользнула небрежным профессиональным взглядом и едва заметно улыбнулась.

– Меня зовут Паулина, – впрочем, довольно доброжелательно ответила она. – Предваряя остальные вопросы, сообщу, что я – счастливая жена и мать двоих очаровательных детей.

– Так это вы тут отдыхаете семьей, – промямлил поверженный в прах Макаров. – Нас предупредили – вот, Даша, – что тут в одном из номеров живет пара с двумя детьми.

– Нет, я тут одна. Приехала на актерский ретрит. Муж и дети остались дома, потому что они с уважением относятся к моим увлечениям, – улыбнулась Паулина. Улыбка у нее была потрясающая, хотя что с этого толку. – Семья тут действительно отдыхает, занимает соседний с моим номер на третьем этаже, но я эту неделю планирую провести в приятном одиночестве. Не считая занятий, конечно.

Сказано все было предельно ясно, и Макаров невольно закручинился, поскольку деваха была красивая и, сразу видно, дорогая. Впрочем, зачем ей нищий разведенный мент, пусть даже и в качестве краткосрочного увлечения? Такие для жизни имеют упакованных мужей с каким-нибудь банковским или даже нефтегазовым бизнесом, а для развлечения фитнес-тренеров с кубиками на животе. Ни нефтяной

скважины, ни кубиков в анамнезе у Макарова не было.

Игнат с Настей уже получили ключи от своей комнаты на втором этаже, и администратор обратилась к Евгению. Он заставил себя сосредоточиться, стараясь понять, что именно ему говорят.

– Ваш номер на первом этаже. С вами будет жить молодой человек.

– Какой молодой человек? – Макаров отчего-то был уверен, что его ждет одноместный номер, как в отменившейся Турции. К присутствию соседа он был не готов.

– Он еще не приехал, – вступила в разговор Даша. – В нашей группе есть женщина с двумя детьми. Она живет в одном номере с дочкой, а ее сын делит номер с вами.

– Ребенок? – ужаснулся Макаров, который не любил детей, потому что не умел с ними обращаться. – Скажите, а отдельных номеров тут нет? Я готов доплатить.

– Ну, не такой уж он и ребенок, парню двадцать два года, он студент МГУ. А отдельных номеров нет, мы это обговаривали с Настей, когда она бронировала тур. Ваша троица прислала заявку последней, поэтому все остальные номера были уже заняты.

Макаров бросил уничижительный взгляд на Игната, который стоял в стороне, старательно делая вид, что он тут ни при чем.

– Ладно. Разберемся, – Макаров протянул руку и выхватил ключ, на котором болталась бирка с номером «1». Улуч-

шившееся было настроение снова начало портиться. Да уж, веселая неделька ему тут предстоит, ничего не скажешь!

Игнат с Настей уже поднимались по лестнице, вслед за ними ловко перепрыгивала со ступеньки на ступеньку прекрасная Паулина, решительно и бесповоротно отвергнувшая его ухаживания. Ладно, еще не вечер, может быть, тут найдется кто-нибудь более доступный, пусть даже и не такой прекрасный, как она.

Макаров отпер дверь своего номера, зашел внутрь и с треском захлопнул ее за собой.

Глава вторая

Против своей воли Даша сильно волновалась. С одной стороны, она знала, что предусмотрела тысячу и одну мелочь, а потому все должно было пройти хорошо. С другой – все равно волновалась: вдруг что-то забыла, о чем-то не подумала и кто-то устроит скандал, из-за которого атмосфера в гостевом доме, таком удобном и уютном, станет невыносимой, и гости разъедутся, разочарованные, упрекая себя в том, что подписались на дурацкую авантюру. И Катя расстроится. Ее душевное состояние для Даши было очень важно.

Переживала она и из-за Сэма – прекрасно знала, насколько он может быть невыносим. Но как раз американец не создавал ни малейших проблем: люксом, в который его заселили, остался вполне доволен, про саму усадьбу, а также окружающую ее природу сказал, что они «wonderful», под ногами у Даши не путался, позволяя ей выполнять свои обязанности по встрече и заселению гостей. Сходил на озеро, задумчиво посмотрел на уток, вернувшись, выпил чашку кофе и улегся в номере с книжкой. Ну и слава богу.

Первой проблемой стал один из гостей – высокий, крепкий мужик в спортивном костюме, которому, казалось, все изначально не понравилось. При заселении он устроил скандал из-за двухместного номера, который ему пришлось де-

лить с другим участником выездного ретрита. Он был готов доплатить, чтобы жить одному, но свободных номеров не осталось, а потому купировать скандал Даша не могла при всем своем желании.

Люксов в гостевом доме было два: один занимал Сэм, другой – Катя Холодова. Конечно, можно napроситься ночевать к Кате, на маленький диванчик в небольшой гостиной ее люкса, но Даша жила в номере на втором этаже, по соседству с Сэмом, которому могла понадобиться в любую минуту, а Катин люкс был на третьем. Постоянно бегать по лестницам представлялось довольно сомнительным удовольствием.

На втором этаже располагалось еще два номера: в одном поселился друг склочного мужика со своей девушкой, которые, наоборот, были всем довольны. А во втором – Анна Штейнер, австрийская подданная с русскими корнями, приехавшая в Москву проведать родителей и вдруг решившая отправиться на актерский ретрит в глубинку.

На третьем этаже, кроме люкса Кати, было еще три номера. В одной жила Паулина Колокольцева, ослепительная красавица, при виде которой скандальный мужик сразу начал пускать слюни. Возможно, его плохое настроение было как раз вызвано тем обстоятельством, что Паулина вежливо, но лихо поставила его на место, дав понять, что ничего у него с ней не выйдет. Этот момент Даша вспоминала с плохо скрываемым удовлетворением. В неприкрытом мужском интересе гостя (она специально посмотрела в своих записях,

его звали Евгением Макаровым) было что-то столь непростойное, что даже подташнивать начинало.

Второй номер занимала пока не приехавшая Ольга Тихомирова с четырнадцатилетней дочкой. В тренинге принимал участие и ее сын, двадцатидвухлетний Илья, именно ему не повезло делить номер на первом этаже со склочником Макаровым. Последняя комната на третьем была занята той самой семьей с двумя детьми, которые успели забронировать гостевой дом еще до Даши. В другом номере на первом этаже жила приехавшая вместе с Дашей костюмер, отвечавшая за театральные реквизит и музыкальное сопровождение, и еще одна участница, Елизавета Мучникова, к своим тридцати годам сделавшая неплохую карьеру в Газпроме.

Никого не переселить, чтобы избежать скандала. Если только в самом деле попроситься жить к Кате, уступив Макарову свой номер. Вот только что делать с Сэмом? Даша и так чувствовала себя неловко, что притащила американца в глушь и собиралась почти на неделю предоставить его самому себе. Она честно предупредила его, что у нее будет много времени уходить на организационные вопросы и она не может уделять своему гостю много времени. Как ни странно, Сэм сразу согласился поехать.

– Я просто поживу в русской глубинке, – сказал он. – Попробую побыть в шкуре местного человека, с любопытством посмотрю на ваши спектакли. Я вообще люблю смотреть на то, чего не понимаю. А потом, когда ты освободишься, мы

проведем в Переславле еще неделю, чтобы выполнить то, ради чего я туда еду.

Конечно, Даша сразу спросила, кого именно он собирает-ся найти и чем она может помочь, однако Сэм велел не бе-жать впереди паровоза и пока просто заниматься своими де-лами.

– Всему свое время, – сказал он.

Во всем этом было что-то неправильное, но Даша реши-ла не заморачиваться. Сэм был странным сам по себе – с образом жизни перекаати-поле, который он вел, несмотря на огромное состояние, одеждой в стиле «оборванец» и неиз-бывным одиночеством. В конце концов, может быть, ему и правда хочется просто побыть среди людей, пусть даже и незнакомых.

Эту неделю им всем предстояло провести в довольно раз-ношерстной компании. Почему-то на выездной тренинг за-писались очень разные люди, как по профессии, так и по возрасту, доходам и образу мыслей. Однако Даша строго на-помнила себе, что ничего странного в этом нет. Театральный курс Екатерины Холодовой был призван решать психологи-ческие проблемы, а они возникали у людей вне зависимости от их социального статуса. Как говорится, богатые тоже пла-чут.

Самой Даше в ходе подготовки тренинга стало казаться, что ее собственные слезы наконец-то иссякли. У нее был приличный доход, новая, ожидающая ремонта квартира, лю-

бимое увлечение, которое позволяло ей перевоплощаться, становясь совсем другой, а еще Катерина, готовая протянуть руку помощи, если это вдруг понадобится. О чем еще мечтать?

Большинство молодых женщин, оказавшихся в Дашиной ситуации, мечтали бы о новой любви, семье и о детях, но думать об этом пока еще было очень больно, поэтому Даша и не думала. У нее есть театр, на данный момент этого вполне достаточно.

Заселив всех оставшихся гостей, она с облегчением убедилась, что неприятный Макаров успокоился и больше не scandalит. По крайней мере, Илью он в номер пустил безропотно, кивнув в сторону свободной кровати. Не орет, вещи не швыряет – уже хорошо.

В мессенджере была создана заранее группа, куда Даша включила всех участников, чтобы оповещать их о важных событиях и изменениях в программе. Сейчас она сбросила в общий чат сообщение, что всех гостей ждут на веранде к восемнадцати часам – познакомиться и узнать план действий. Сразу после знакомства в семь вечера хозяева усадьбы приглашали на торжественный ужин, который должны были накрыть в каминном зале.

До шести оставалось чуть меньше часа, а Катерина все еще не приехала, поэтому Даша снова начала волноваться. Что она будет делать, если руководитель тренинга опоздает? Как выкручиваться перед собравшимися, людьми, всеми

как один непростыми? А если у Кати сломалась машина? А вдруг она попала в аварию? Дашу начало трясти как в ознобе, потому что характером она обладала тревожным и в панику впадала быстро.

Она выскочила на улицу выглянуть за ворота, сама не зная зачем. Холодный сентябрьский ветер тут же куснул ее за голую шею, деловито пробрался под тонкий свитерок, заставив кожу покрыться мурашками. Сентябрь в этом году стоял студеный, словно на дворе начало ноября. Кажется, еще чуть-чуть и снег выпадет. Снег Даша не любила, как и все связанное с зимой, холодом и темнотой.

Вот и сейчас на улице уже начинали спускаться сумерки. Еще час – и вовсе стемнеет, а Екатерина где-то там, на дороге. Даша обхватила себя руками за плечи, чтобы хоть немного согреться. Звонить или не звонить? Показывать свое волнение или не стоит? Актриса Холодова, конечно, никогда не смеялась над Дашей и ее странностями, но зачем давать лишний повод думать, что у тебя с головой не все в порядке?

Стукнула входная дверь, и на пороге появилась высокая мужская фигура. Макаров. Даша ненадолго отвлеклась от мыслей о Екатерине и уставилась на него. Интересно, что ему нужно? Может, сбежать хочет?

Впрочем, как и она сама, Макаров был без верхней одежды, в одном спортивном костюме. Не обращая внимания ни на холод, ни на Дашу, он отошел в сторонку, прислонился к стене дома и закурил. Так вот зачем он очутился на ули-

це. Звонить при нем Кате Даша не собиралась. Она сделала несколько шагов, очутилась у открытых ворот и вышла наружу, глядя в темноту. От напряжения и холодного ветра у нее тут же заслезились глаза. Дорога была пустынна.

– А-а-а-а-а! – страшный крик раздался откуда-то из темноты.

Даша подпрыгнула на месте и тут же застыла, не зная, бежать на этот явно взывающий о помощи голос или метнуться обратно к дому, где есть люди. Краем глаза она увидела, как Макаров отшвырнул окурок – тлеющий кончик сигареты описал в воздухе ярко-красную точку и рухнул на плитку. Сам он уже был рядом с Дашей, за воротами, и крепко держал ее чуть повыше локтя, не давая двинуться.

– Что это было? – требовательно спросил он.

Даша пожала плечами.

Крик повторился, теперь в нем были визгливые ноты, которые можно было принять за рвущийся из груди хохот. Кто мог то ли плакать, то ли смеяться здесь, в усадьбе, расположенной в двенадцати километрах от другого жилья?

– Я пойду посмотрю, – решительно сказал Макаров.

– Подождите, не надо, это может быть опасно, – слабо запротестовала Даша. Он посмотрел на нее то ли с жалостью, то ли с отвращением во взоре:

– Именно поэтому я и должен сходить посмотреть.

Там, где кончался забор, довольно далеко от ворот, появились четыре фигуры, две высокие и две пониже. Одна из ма-

леньких фигурок вдруг накинута на вторую и начала щекотать. Вторая снова закричала:

– А-а-а-а!

– Федя, Санька, перестаньте. Вы тут всех жильцов взбалмутите, – сказала приближающаяся к Даше и Макарову высокая стройная женщина в красном пуховике и с забранными в высокий хвост светлыми волосами. – Вы уж простите, но, пока не наорутся всласть, не успокоятся. – Эти слова предназначались застывшим в воротах людям. – Мы их специально уводим на озеро, чтобы они могли набегаться и выплеснуть энергию. Дети, что тут поделаешь.

Стоящий рядом с ней мужчина коротко усмехнулся, словно извиняясь за балующихся детей, но в то же время признавая их полное право так себя вести. Он тоже был высоким и спортивным. Вытащив что-то из кармана, кажется, портсигар, Даша не успела рассмотреть, потому что движение было таким молниеносным, он закурил, коротко кивнул и прошел дальше.

Только сейчас Даша поняла, что перед ней та самая семья, которая занимает номер на третьем этаже. Дети просто балуются, а она уж невеста что подумала! Впрочем, не она одна. Макаров тоже заволновался, она это видела.

– Кажется, я должен сказать спасибо вам за то, что вы поселили меня на первом этаже, а не на третьем, – сказал он, сплюнул под ноги и повернулся в сторону дома. – Вы идете или предпочитаете нахаживать тут пневмонию?

Даша посмотрела на часы – они показывали уже почти половину шестого. Господи, ну где же Екатерина? К счастью, на дороге появилась белая машина, принадлежащая Холодовой. Через минуту актриса въехала во двор, припарковалась на свободном пятачке, выскочила наружу и бросилась обнимать Дашу.

– Дашунчик, ты меня встречаешь, да? Как мило.

Обойдя машину, она достала из багажника довольно вместительный чемодан, щелкнула брелоком сигнализации.

– Такие пробки в Москве, думала, опоздаю, но нет, ничего, успела. Сейчас вещи брошу, и будем знакомиться со всеми. А ты чего на улице, Дашунчик? Волновалась, что я опаздываю?

Положительно ничего нельзя было скрыть от этой женщины.

– Захотелось воздухом подышать, – уклончиво сказала Даша, чувствуя, как спадает напряжение, вызванное Катиним отсутствием, и уходит страх из-за непонятного крика, оказавшегося всего-навсего детской шалостью.

– Смотри не простудись, ты мне здоровая нужна, – погрозила пальцем Екатерина, и они все наконец-то зашли в дом, показавшийся после холода улицы теплым, гостеприимным и комфортным.

В шесть часов все гости собрались на крытой террасе, из которой открывался замечательный вид на озеро и пламенеющие вдали деревья близкого леса. Пошел дождь. Крупные

капли стекали по стеклам французских – в пол – окон, сквозь которые было видно вспоминающую об ушедшей свежести траву, еще зеленую, но уже пожухлую, увядающую.

Под навесом дымился мангал, на котором хозяин усадьбы Михаил Евгеньевич собирался что-то жарить к ужину. Сам он, несмотря на дождь, сутился рядом, в брезентовом дождевике, накинутом поверх стеганой куртки, шебуршил дрова толстой витой кочергой да раскладывал на большой решетке что-то завернутое в фольгу, то ли мясо, то ли рыбу.

Чуть вдали над озером поднимался туман, видимо, от того, что вода была сейчас теплее воздуха. Даша вспомнила его вечернюю колкость и зябко повела плечами, хотя на веранде было тепло.

– Я рада приветствовать всех вас на нашем актерском ре-
трите, – говорила тем временем Катя, высокая, стройная, с
забранными в строгий пучок волосами. Ее тонкое одухотво-
ренное лицо выглядело сейчас особенно красивым. Катя все-
гда невероятно хорошела за работой. – Наш с вами распоря-
док будет таким. С понедельника по среду в первой полови-
не дня мы будем проходить теорию. Я расскажу вам о систе-
ме Станиславского, о приемах и методах, которые позволя-
ют раскрепоститься на сцене. После обеда мы будем разыг-
рывать импровизации, в ходе которых каждый из вас смо-
жет понять, каково это – проживать ту или иную эмоцию.
Вы также сможете сами придумать или вспомнить из своего
опыта ситуацию, в которой вы не знали, как быть, или вам

бы хотелось поступить иначе. Убеждена, что, проиграв ее, вы сможете легко найти выход из трудного положения. Собственно говоря, именно на этом и основан психотерапевтический эффект нашего театра.

Даша улыбнулась: со всем сказанным она была совершенно согласна, а в эффективности Катиного подхода убедилась на собственном опыте. Она оглядела собравшихся, чтобы оценить степень их возможного скепсиса. На лице Лизы Мучниковой, работающей в Газпроме, она прочитала что-то похожее на внутреннюю борьбу, словно девушка и хотела поверить Катиным словам и не могла преодолеть свое рациональное нутро.

На лице Анны из Австрии был написан неожиданный интерес, словно, отправляясь в усадьбу, она даже не представляла, чем им тут предстоит заниматься, а сейчас, узнав, сочла это забавным. На лицах мужчин – Игната и Евгения – читалась откровенная скука, им все эти экзерсисы были совсем не нужны и неинтересны. Скучающей и напряженной выглядела и девушка Игната Настя, хотя Даша была убеждена, что вся троица оказалась здесь именно из-за нее.

Понимание и внутреннее удовлетворение сквозило сквозь идеальные черты красавицы Паулины. Интересно, от каких внутренних проблем с помощью театрального искусства собиралась избавиться эта холеная жена богатого мужа, который, как знала Даша из Интернета, был почти на тридцать лет старше своей прекрасной жены?

И только у двоих человек на веранде глаза горели огнем: это были Ольга Тихомирова и ее старший сын Илья. Женщина даже молитвенно сложила руки на груди, раскачиваясь в такт Катиным словам, словно от них зависела ее жизнь. А молодой человек смотрел на актрису так внимательно, что на мгновение Даше показалось – на той вспыхнет одежда. Ее слова отзывались в них так явно и больно, что даже смотреть на это было невыносимо. Даша отвернулась.

Теперь в поле ее зрения оказался Сэм, который занимался тем же, чем и она сама, – наблюдал. Его ровный, ничего не выражающий взгляд перебегал с одного участника встречи на другого, подолгу ни на ком не останавливаясь, но он явно делал какие-то выводы относительно каждого из присутствующих, и на мгновение Даше стало неприятно. Он был чужим, далеким от их жизни и проблем человеком, при этом не участвовал в ретрите сам, что давало Сэму преимущество перед остальными. Становясь свидетелем их маленьких тайн, он никак не рисковал тайнами собственными.

Даше вдруг стало интересно, а что именно понимает американец Сэм, не владеющий русским языком. Конечно, он говорил, что вырос в России, но уехал так давно, что основательно подзабыл когда-то родной язык. По крайней мере, в разговоре с Дашей он всегда предпочитал английский. Может быть, его сосредоточенный вид связан именно с тем, что он силится понять все оттенки беседы? А легкая ирония в глазах – с тем, что он просто посмеивается над собой.

– Следующие дни мы посвятим репетиции нашего главного спектакля, – продолжала между тем Катя. – Премьеру сыграем в субботу, накануне дня отъезда. А пока сегодняшний вечер я предлагаю оставить для знакомства друг с другом. Предлагаю сделать это тоже в форме маленького представления. Вспомните или придумайте историю, которая характеризует вас как нельзя лучше, а затем сыграйте ее для остальных.

– А это обязательно? – Это спросил Макаров, который выглядел донельзя мрачно. – Можно просто представиться без всех этих глупостей? Я, знаете ли, в актеры не рвусь и в душещипательные театральные эффекты не верю. Можно я побуду просто зрителем?

– Ну, конечно, можно. – Катя кротко улыбнулась, потому что умела находить подход к самым разным людям, в том числе к невоспитанным и с дурным характером. – Давайте будем исходить из того, что вы все здесь на отдыхе, а потому имеете полное право делать только то, что хотите. Договорились?

Макаров кивнул – его это, по всей вероятности, устраивало.

– Вот и замечательно, – сказала Катя. – Те, кто не хочет, не обязаны ничего придумывать и могут за ужином просто коротко рассказать о себе. Кто готов – у вас есть время подумать и составить план своего маленького выступления.

– А можно мне тоже поучаствовать? – спросил, обращаясь

к Кате, Сэм.

Говорил по-английски, но сам вопрос неопровержимо доказывал, что он все понял.

– Да, конечно, – тоже перешла на английский Катя.

– Я прошу прощения за то, что вмешиваюсь. Я здесь просто гость. Но мне вдруг стало любопытно. – Теперь Сэм говорил по-русски, немного медленно и со странным акцентом, но четко и правильно. – Почему бы не попробовать что-то новое. Вы не находите?

– Ух ты. – Паулина сверкнула своими прекрасными глазами и захлопала в ладоши от восторга. – Как интересно! Я была уверена, что вы – иностранец, а вы, оказывается, говорите по-русски. Где вы так хорошо выучили наш язык?

– Всему свое время. – Сэм улыбнулся, явно довольный произведенным впечатлением. Даша внезапно подумала, что своей манерой поведения и реакцией на внешние обстоятельства он уже не в первый раз напоминает ей ребенка. – За ужином я обязательно о себе расскажу.

Непонятно от чего, но в этот момент Даша испытала безотчетную тревогу. Она по-прежнему не знала, зачем Сэм приехал в такую глушь и кого собирается искать в стране, в которой не был несколько десятков лет. Но ей не нравилось, что его секрет (а она даже не сомневалась, что за всем этим скрывалась какая-то тайна) вот-вот станет достоянием гласности.

«Надо успеть поговорить с ним до ужина, – решила Да-

ша. – Выяснить, что он хочет мне поручить и что собирается о себе рассказать. В конце концов, он очень богатый человек, а значит, легко может стать добычей злоумышленника».

– А по-китайски вы, случайно, не говорите? – спросил у Сэма Илья. – Я, знаете ли, студент-китаист. Английский у меня свободный, а вот в китайском я бы с удовольствием попрактиковался.

– Случайно говорю, хотя и немного. Когда я был вынужден заниматься семейными делами, то имел дело с китайскими партнерами и даже два года жил в Шанхае.

Он вдруг перешел на незнакомый Даше, «птичий язык», на котором Илья стал с воодушевлением ему отвечать.

– Кажется, наш клуб по интересам сложится даже удачнее, чем мы планировали, – шепнула на ухо Даше присевшая рядом Катя. – Не знаю, как ты, а я предвкушаю очень интересную неделю.

– Поживем – увидим, – уныло сказала Даша, которую все не оставлял тревожный настрой. – А пока я пойду проверю, все ли готово к ужину.

* * *

Наблюдать за собравшимися Макарову было любопытно – уж больно разношерстная, на его взгляд, подобралась здесь компания. Благообразный иностранный старикашка, внезапно заговоривший по-русски, эталонная красавица Па-

улина, так обидно отвергшая его ухаживания, молодая, но уже преисполненная собственной значимости особа, работающая в Газпроме, простоватый Игнат и такая же Настя, живая хохотушка Анна с глазами, слишком серьезными для ее оживленного поведения, длинный нервный парень, увлекающийся китайским языком, его словно раз и навсегда испуганная мамаша, у которой, говорят, имелась дочка, но Макаров ее пока не видел.

«У нашей Сашеньки сложный характер», – словно извиняясь, объяснила необходимость отнести ужин в номер мать. Спорить никто не стал.

Сам Макаров, чувствовавший свою полную неуместность, уже перешел из состояния беспричинной злобы на весь белый свет к веселому удивлению, с которым оглядывал публику, пытаясь понять, зачем они все здесь собрались.

В то, что с помощью театрального искусства можно решать внутренние проблемы, он не верил ни капельки. Да и проблем у него никаких не было. Бывшая жена любила повторять, что Макаров прост как банный веник, и своей простотой он, пожалуй, даже гордился, потому что сложных людей не понимал и побаивался. Они были способны на что угодно, включая расчленение трупов.

Помимо участников театральной сродки во главе с актрисой Екатериной Холодовой, которую Макаров смутно помнил по какому-то давнему сериалу, за столом еще сидела менеджер Даша, та самая, которой он с ходу так сильно не по-

навился, что она даже не пыталась скрыть свою антипатию, смотрела неприязненно и холодно, а также дама лет сорока, которую представили как костюмера Маргариту.

К общему столу вышли также хозяйева усадьбы – Татьяна и Михаил Евгеньевич, а также гостящий в отдельном домике бизнесмен, представившийся Игорем Арнольдовичем. Спустилась к ужину и семейная пара с двумя шумными детьми, которым, впрочем, было накрыто чуть в сторонке, чтобы они не мешали остальным гостям.

Татьяна оказалась высокой худощавой женщиной в длинном, практически в пол платье, поверх которого был надет домашний фартучек. Выглядела она опрятно и скромно, глаза в основном опускала долу, слушала, что ей говорят, внимательно, сама в разговор почти не вступала, ловко и споро подавала блюда и убирала грязные тарелки.

Михаил Евгеньевич колдовал у мангала, и сначала по тарелкам разложили запеченную в фольге рыбу, затем очень вкусные домашние колбаски, свиные и говяжьи, потом запеченные на открытом огне овощи и, наконец, огненный шашлык, к подаче которого Макаров уже был так сыт, что даже малость осоловел.

Одновременно с трапезой шло обещанное знакомство с участниками. Первой на правах ведущей выступила Екатерина Холодова. Встав из-за стола, она вышла на сооруженную в конце террасы сцену, сложила руки на груди, уперев указательный палец в тонкие, изящно очерченные губы,

установилась за окно, за которым, не переставая, шел дождь, и замолчала.

Взгляд ее проникал за стекло и, казалось, уносился куда-то в другие миры, далеко-далеко от усадьбы и сидящих на террасе людей, взоры которых были сейчас прикованы к Екатерине и ее нежному одухотворенному лицу. Макаров внезапно поймал себя на мысли, что пытается понять, о чем сейчас думает эта женщина. Вспоминает первую любовь? Волнуется из-за чего-то важного? Мечтает о несбыточном? Даже звон вилок постепенно стих. Собравшиеся перестали жевать и как замороженные смотрели на актрису, не в силах оторвать от нее глаз.

Наконец она легонько вздохнула, повернулась к собравшимся и мимолетно улыбнулась:

– Двести шестьдесят восемь.

Три десятка глаз с недоумением уставились на нее. Актриса снова улыбнулась, теперь уже широко, открыто.

– Вы наверняка хотите узнать, о чем таком трагическом я думала, пока держала паузу. А я считала про себя. Досчитала до двухсот шестидесяти восьми. Этому нехитрому трюку меня научил мой театральный педагог Юрий Мефодьевич Соломин. Я как-то спросила, о чем нужно думать для того, чтобы во время паузы удерживать внимание зрителя? И он ответил: «Просто считай». Вот об этом, а также о других маленьких актерских секретах и пойдет речь на нашем выездном ретрите. Я уверена, что будет интересно всем, даже со-

мневающим, – она лукаво посмотрела на Макарова, и тот, неожиданно для самого себя, покраснел.

– А сейчас я уступаю сцену следующему нашему гостю. Ну, кто рискнет?

Первым вызвался «китаист» Илья, разыгравший смешную сценку своего первого разговора с преподавателем на китайском. Исполнял он сразу две роли, быстро и ловко пересаживаясь с одного стула на другой. К концу его легкой и довольно смешной импровизации все собравшиеся уже знали о том, почему молодой человек выбрал изучение китайского, где планирует работать после окончания МГУ и зачем приехал в Переславль вместе с матерью.

– Я ищу себя, – коротко сказал он. – И попробовать себя в новой роли – неплохой вызов самому себе.

Все аплодировали, хотя, с точки зрения Макарова, звучало это претенциозно и выспренно. В его двадцать три поиска себя в основном шел через посиделки в дружной компании с дешевым вином, девчонок, чьи имена было не так-то просто вспомнить наутро, прогулянные лекции, потому что после ночной разгрузки вагонов неудержимо клонило в сон, замусоленные конспекты, которые, по жребии, писал кто-то один, а использовали при подготовке к экзамену все остальные. Поколение Евгения Макарова не было склонно к экзистенциальному кризису, и за это времени, в котором он рос и вырос, Макаров был благодарен. Как и за то, что поиск себя никогда не значился в числе его жизненных приоритетов.

Сам он, выйдя на сцену, быстро и коротко отстрелялся, сообщив, что работает в уголовном розыске, здесь оказался по недоразумению, а потому предпочитает быть зрителем, а не актером, после чего сел на место, отдавая дань запеченной рыбе и нимало не заботясь о произведенном впечатлении. Затем наступила очередь Игната, который рассказал, что приехал сюда за компанию со своей девушкой, сам театром не увлекается, предпочитая поисковое движение, но поклялся – ему все очень интересно.

Затем на сцену, краснея и смущаясь, вышла сама Настя. Стоя под обращенными на нее взглядами, она мучительно краснела и лепетала что-то невразумительное о своей любви к искусству и о возможности испытать новые ощущения. Совершенно не к месту Макаров вдруг подумал, что звучало это совершенно неубедительно. На мгновение ему снова стало интересно, какая сила заставила Настю сдать уже оплаченные путевки и отказаться от двухнедельного отдыха в Турции ради этого вот позора, но тут Настя, отмучившись, села на свое место, и сцену занял забавный американец.

Посредине он поставил удобное кресло и уселся, обеспечив себе полный комфорт. В руке он держал карманные часы на длинной цепочке, кажется золотые. Их крышка, инкрустированная крупными, явно драгоценными камнями, переливалась в свете электрических ламп, и все собравшиеся невольно следили за этими вспышками, словно загипнотизированные.

«Вполне подходит для лекции о роли и значении реквизита, – невольно подумал Макаров. – Вообще, надо признать, что этот семинар, или как его там, очень даже полезен мне для работы. Тренировать наблюдательность и выводить причинно-следственные связи я на этой неделе смогу вдоволь».

– Разрешите представиться, меня зовут Сэм Голдберг, – неторопливо сказал американец. Его странный акцент завораживал так же, как мерное покачивание драгоценных часов. Интересно, не гипнотизер ли он. – Когда-то давно, очень давно я жил в России. Точнее, тогда в Советском Союзе. Вместе со своими родителями я эмигрировал из страны в семьдесят первом году. Тысяча девятьсот семьдесят первом, – зачем-то уточнил он. – Тогда мне было двадцать шесть лет.

Макаров произвел нехитрые математические расчеты. По всему выходило, что сейчас деду семьдесят четыре, и надо отдать ему должное, выглядит он гораздо моложе, да и вообще в неплохой физической форме. Евгению была не очень интересна чужая жизнь, но все остальные слушали очень внимательно. Особенно Настя. У нее даже рот приоткрылся. Макаров усмехнулся, потому что, по его наблюдениям, любопытными были люди, собственная жизнь которых скучна и бедна на события.

Американец тем временем рассказывал о первых годах жизни в Израиле, стране, к которой он никак не мог привыкнуть. Хорошо хоть из-за врожденной способности к языкам не было проблем с ивритом, а потом и с работой. Но работать

Сэм не любил, обязанностями своими тяготился, от жаркого климата страдал и больше всего на свете мечтал переехать куда-нибудь еще, лучше всего – в Америку. И его мечта осуществилась спустя шесть долгих лет.

– Сначала фирма, где я работал, отправила меня в США в трехмесячную командировку. Уже через неделю я понял, что эта страна мне подходит. Я желал остаться здесь во что бы то ни стало. Тут мне повезло в первый раз, потому что я познакомился с Клэр.

Клэр оказалась старше Сэма на четыре года, но разница в возрасте не имела значения. У нее были достоинства, перевешивавшие и годы, и простенькую внешность, и толстые, словно слоновьи, ноги. Родители Клэр, точнее, ее отец, были весьма состоятельными людьми, готовыми на все ради счастья единственной дочери – она никак не могла выйти замуж, придирчиво перебирая женихов, которых ей находила семья.

Конечно, не о таком зяте, как Сэм Голдберг, мечтал отец Клэр, но выбирать особо не приходилось, тем более что она стояла на своем: выходит замуж за молодого израильянина, и точка. А если родители не готовы принять его в семью, значит, она уедет вслед за ним в Израиль.

Признаться, подобного исхода событий Сэм немного побаивался, но, как показало время, совершенно зря. Расставаться с Клэр ее родители были не готовы, а потому скрепя сердце согласились на брак.

– Подождите, я не поняла, а вы ее любили? – спросила

вдруг Анна. – Прошу прощения за свой вопрос, но я тоже переехала в другую страну, потому что вышла замуж, и многие люди, включая моих ближайших подруг, были уверены, что я сделала это по расчету. Мой муж намного старше меня, но, видит бог, я решилась на перемены в жизни только потому, что действительно влюбилась. А вы?

В ее глазах горел какой-то непонятный Макарову огонь, и ему вдруг стало интересно, отчего это она так разволновалась.

– Скажем так. Я ее уважал, – немного помолчав, ответил Сэм. – Благодаря ей я получил американское гражданство, ее отец взял меня на работу и купил нам первый дом. Кстати, именно в его фирме я возглавил направление работы с Китаем, часто ездил туда в командировки и выучил язык. В общем, моя жизнь круто изменилась благодаря Клэр. И я дал сам себе зарок, что не брошу ее, что бы ни случилось. И в горе, и в радости, пока смерть не разлучит нас. Я пообещал себе, что буду ее мужем до тех пор, пока сама Клэр этого хочет.

– И что? Она долго хотела? – с любопытством в голосе спросила Паулина.

– Всю жизнь. Она очень меня любила. Мы с ней за тридцать лет совместной жизни даже не поссорились ни разу. Точнее, одна ссора все-таки была. Клэр хотела иметь детей, но в первые годы у нее никак не получалось забеременеть. Она очень переживала, а я, признаться, радовался: у меня не

было ни малейшей тяги к отцовству. Но вот спустя два года с блеском в глазах она сказала мне, что ждет ребенка. Ей уже шел тридцать девятый год, это могло быть опасно, и я тогда предложил прервать беременность, чтобы не рисковать. Боже, как она кричала! В общем, после бурной ссоры, проведя ночь в гостевой комнате, я вдруг понял, что, если ее желание стать матерью так велико, значит, я должен его поддержать. В конце концов, это была не такая уж и большая плата за ту жизнь, которую я вел благодаря своей жене. Так в 1980 году у нас появилась дочь. Дженни.

Макаров снова посчитал в уме, и получилось, что этой неведомой дочери сейчас тридцать девять лет. Правда, это неожиданное знание абсолютно ничего ему не давало. Михаил Евгеньевич внес еще одну порцию шашлыков, наконец-то тоже сел к столу, налил рюмку водки и чокнулся со своим деловым партнером, который сидел на краю стола с откровенной скукой на лице. Ему все происходящее, похоже, было так же неинтересно, как и Макарову.

– Сэм, вы никогда раньше не говорили о том, что у вас есть дочь! – воскликнула Даша. – Мы два раза провели вместе по десять дней, но вы даже не обмолвились об этом. Я была уверена, что вы одиноки. Вы же все время путешествуете.

– А почему наличие у меня дочери должно влиять на мою любовь к путешествиям? – удивился американец. – Конечно, я согласился с тем, что у нас будет ребенок, и до совершеннолетия Дженни я выполнял свои родительские обязанности

в полной мере, но я никогда не чувствовал ни капли того, что принято называть отцовскими чувствами, и мы с дочерью совершенно чужие люди.

– Как это? – не поняла Настя.

Макаров со слов Игната знал, что девушка выросла в многодетной семье и была очень привязана к родителям, братьям и сестрам.

– Ну так. – Американец пожал плечами. – После школы дочь поступила в университет и уехала из дому. Она сделала неплохую карьеру, состоялась в жизни, чему я, конечно, очень рад. Но мы не видимся и не переписываемся, потому что оба не имеем такой потребности. Нас связывала только Клэр, к которой мы оба были привязаны, но после ее смерти я ни разу не видел Дженни.

– И сколько же вы не виделись? – продолжала задавать вопросы Настя.

– Десять лет.

– И все это время вы путешествуете по миру?

– Не совсем. После смерти Клэр я привел в порядок дела, выполнил свой долг по отношению к ее памяти, а потом продал наш дом и практически все имущество, после чего и начал вести кочевую жизнь. Я мечтал посмотреть Европу, поэтому сначала обосновался на полгода в Париже, потом переехал в Лондон, затем в Мадрид, Амстердам, Прагу. Вот уже восемь лет, как я постоянно перебираюсь с места на место, не привязываясь ни к какому-то одному, не отягощая

себя недвижимостью. Живу в отелях, лучших и самых комфортных, питаюсь в ресторанах, знакомлюсь с новыми местами, включая глубинку, обычно не вызывающую интереса у туристов. Иногда навещаю в Израиль, у меня же там остались родственники, но эту страну я не люблю, потому что меня там не понимают, как это ни печально.

– И в чем же заключается это непонимание? – хищно улыбаясь ярко накрашенным ртом, спросила Анна.

– Они не понимают, как можно сорить деньгами и переплачивать за то, что можно купить дешевле. К примеру, в последний раз я приплыл в Израиль с Кипра. Туда ходит паром, билет на который стоит сто шестьдесят евро. Я же нанял яхту, которая перевезла меня за десять тысяч. И мои соотечественники никак не могли взять в толк, зачем выкидывать деньги, если можно сэкономить. Но я не привык экономить, я привык обеспечивать себя всем самым лучшим. Мне не так долго осталось жить на этом свете, чтобы я жертвовал своим комфортом из-за денег. Мне все равно будет некому их оставить. Поэтому мои деньги нужны мне при жизни, а не после смерти.

– Почему же вам некому оставить свои деньги, если у вас есть дочь? – отчего-то семейный уклад Сэма Голдберга волновал австриячку Анну сильнее, чем всех остальных.

– Моя дочь – взрослый, самостоятельный человек, который достаточно зарабатывает, чтобы обеспечить себя и своих детей. Она – преуспевающий юрист, и за ее будущее я спо-

коен, тем более что после смерти Клэр она получила неплохое наследство, доставшееся той от отца. Моя дочь – обеспеченная женщина, и долгое время я вообще не собирался включать ее в мое завещание.

Этот человек будто бравировал своим эгоизмом. Как ни странно, его позиция вызывала у Макарова даже некоторое уважение. По крайней мере, он не пытается выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Вот только понять бы еще, зачем он вообще все это им рассказывает.

– А откуда у вас деньги, если весь капитал семьи вашей жены ушел к дочери? – спросил вдруг Михаил Евгеньевич, отвлекшийся от разговора со своим то ли другом, то ли гостем, то ли начальником. – Почти десять лет переезжать с одного места на другое и ни в чем себе не отказывать – дорогое удовольствие. Или вы в Китае так разбогатели?

– Нет, конечно. – Американец добродушно улыбнулся и снова покрутил в руке часы. Отблеск драгоценных камней упал на потолок, стены, зайчиком заглянул в пышущий огнем камин. – Я же вам сказал, что, когда я женился на Клэр, мне повезло в первый раз в жизни, но был еще и второй. Видите ли, когда родилась Дженни, тесть подарил мне деньги. Сумма была не очень большая, но я взял кредит в банке и купил здание на Манхэттене. Офисный небоскреб, который я тут же начал сдавать, чтобы на вырученные средства расплачиваться с ипотекой.

Он прикрыл глаза, словно вспоминая что-то, и коротко

рассмеялся.

– Клэр была крайне обеспокоена этой покупкой. Здание стоило двести пятьдесят тысяч долларов, и сорок лет назад это были очень большие деньги. Ссуду я выплатил довольно быстро, потому что сдача офисов в аренду уже тогда была прибыльной. Но ни Клэр, ни даже ее отец, который был очень деловым человеком, очень, не могли предположить, что спустя несколько десятилетий цены на недвижимость взлетят и это здание будет стоить уже пятьдесят миллионов. Я по-прежнему сдаю его в аренду, и деньги, которые переводит мой поверенный, позволяют мне вести именно такой образ жизни, который мне нравится. Денег у меня столько, что я все равно не успеваю их тратить. В одежде и еде я неприхотлив, так что путешествия с комфортом легко могу себе позволить.

– Вы что, миллионер? – спросила «Лиза из Газпрома», как про себя назвал ее Макаров.

– Да, – спокойно ответил американец. – Но в этом, надо признаться, нет моей заслуги. Мне просто повезло.

Дождь за окном припустил с новой силой. Косые струи били в стекла террасы с такой силой, что удары гулом отдавались даже в каминном зале. Снаружи не видно ни зги, казалось, небо, плача, упало на землю и теперь и лежало ничком, не в силах подняться. В жарко натопленном зале было уютно и безопасно, но Макарова внезапно бросило в озноб только от одной мысли о бушующей за окном непогоде. Ура-

ган надвигается, что ли?

– А сюда вы зачем приехали? – Анна задала Сэму новый вопрос, и Макаров вдруг почувствовал, что страшно устал от всех этих ненужных ему подробностей чужой жизни. – Из любви к путешествиям?

– Не совсем. – Голдберг откинулся на спинку своего кресла, снова поиграл с часами, которые, казалось, притягивали к себе все взгляды. Хорошо еще, что люди в усадьбе собрались приличные, на золотую цапку с драгоценными камнями вряд ли позарятся. – Видите ли, я приехал в Россию, чтобы найти своего ребенка.

– Как это? – не понял китаист Илья. – Ваша Дженни что, в Россию перебралась? И вы решили восстановить с ней отношения на старости лет?

– Нет, к Дженни это не имеет ни малейшего отношения, – покачал головой американец. – Так получилось, что у меня есть еще один ребенок.

Ему снова удалось привлечь внимание аудитории, которая, казалось, забыла о том, что другие участники тоже ждут своей очереди рассказать о себе. Несмотря на то что Сэм не разыгрывал никаких сцен, а просто говорил, сидя на сцене, аудиторию он держал намертво, словно упиваясь своим неожиданным артистическим успехом.

Он рассказал, как в восьмидесятом году прошлого века, вскоре после рождения дочери, поехал на родину, в Советский Союз, – повидать оставшихся там друзей, которых

не видел девять лет. Причиной его отъезда стало рождение Дженни. Плачущий по ночам ребенок, который занимал все мысли Клэр, изрядно утомил никогда не мечтавшего об отцовстве Сэма, а потому мысль о возможном отпуске приходила ему в голову все чаще. Поводом же для поездки оказалась Олимпиада-80, проходившая в Москве. Американский гражданин Сэм Голдберг не вызвал подозрений у советских властей и с уехавшим в Израиль Семеном Голдбергом никак не ассоциировался. Визу ему дали быстро, и летом восьмидесятого он оказался в Москве.

– Там я встретил единственную в моей жизни любовь, – рассказывал Сэм.

Отсветы бушующего в камине пламени ложились на его лицо, которое словно молодело на глазах. Морщины, неизбежные к семидесяти годам, словно разглаживались, съедаемые огнем – тем, что, похоже, бушевал сейчас в груди американца.

– Мы провели вместе всего три дня. Три дня и две ночи, а потом расстались навсегда. За связи с иностранцами тогда если и не наказывали сурово, как за четверть века до этого, но все равно по головке не гладили. Она была студенткой, я не запомнил какого института. Я даже не знал ее настоящего имени. Она представилась как Жаворонок, так я ее и звал. В наше последнее утро я умолял ее не уходить. Тогда она спросила, готов ли я жениться на ней и увезти с собой, в Америку. Что я мог ей ответить кроме правды? В Америке у

меня были жена и дочь. Благодаря Клэр я получил гражданство, а ее отец дал мне работу. Дело даже не в том, что я не был готов всего этого лишиться. Я так потерял от Жаворонка голову, что в тот момент согласился бы на любое безумство, но с маленькой оговоркой, – если бы это касалось только меня. Но моя готовность поменять жизнь, отказаться от всего, к чему я так долго шел, взамен на настоящую любовь, касалась еще и Клэр. Я не мог нарушить данное самому себе слово не совершать в отношении ее подлостей, а потому в то злосчастное утро я только отрицательно покачал головой.

– И что было дальше? – с волнением в голосе спросила менеджер Даша.

Как успел заметить Макаров, натурой она была явно романтической, иначе не волновалась бы так из-за пошлого, по своей сути, рассказа о краткосрочной интрижке, которую сейчас богатый американец укутывал романтическим флером. Измена есть измена, как ты ее ни назови.

Он не подозревал Сэма в осознанном желании приукрасить прошлое. Спустя годы многое видится в совершенно ином свете, и человеческая природа такова, что в нашей памяти чувства сохраняются возвышенными, отношения идеализированными, а объяснения самых низменных поступков – достойными и заслуживающими сострадания.

Сейчас пожилой мужчина был совершенно искренним, описывая свою несостоявшуюся любовь, но в то же время никакого сострадания к нему Макаров не испытывал, а в са-

мой истории видел лишь низменные порывы – желание приехавшего в Москву мужчины, вырвавшегося от жены и маленькой дочери, которых он не любил, оторваться на полную катушку и взять от подвернувшегося «случая» по максимуму, чтобы было потом что вспомнить.

– Ничего. – Сэм пожал плечами, в очередной раз повернув в руках свои весьма ценные часы. – Она встала и ушла. Из моего номера в отеле и из моей жизни.

– Тогда с чего вы взяли, что у вас есть в России ребенок? – Этот вопрос задала Настя, и Макаров, в который уже раз, удивился странной горячности в ее голосе. Прежде он считал девушку своего друга особой уравновешенной и немного сонной, а тут надо же, как ее увлекла история совершенно случайного человека. Или и впрямь все женщины одинаковы?

– Года через три после того, как я вернулся домой, в Нью-Йорк, я неожиданно получил письмо, – медленно сказал Сэм. – Судя по штемпелю, оно было отправлено из одного из отелей, потом, когда я начал искать, узнал, что именно там жили ученые, приехавшие на международный симпозиум по психологии. В конверте была короткая записка о том, что, пользуясь оказией, этот человек передает мне письмо от женщины, которую я знаю как Жаворонка. Послание оказалось короткое. Она писала, что живет хорошо, но след, оставленный нашей встречей, оказался гораздо глубже, чем она думала. Она так и не смогла меня забыть и, кроме того,

воспитывает нашего общего ребенка, которому уже исполнилось три года. Она смогла закончить институт, но уехала обратно в провинцию, откуда была родом. И еще она написала, что ни о чем не жалеет.

– У нее что, был ваш адрес?

– Да, я давал ей свой адрес, вернее, он был указан на регистрационном листочке, который мы все заполняли в гостинице. Она попросила разрешения переписать.

– Экий вы беспечный, если бы она заявила к вам домой, что бы вы тогда сказали Клэр? – с усмешкой спросил Илья.

Голдберг снова покачал головой.

– Молодой человек, это сейчас мир стал совершенно стеклянным и вас могут найти на другом конце земного шара даже без всякого адреса. Тогда мне совершенно ничего не угрожало. Ваша страна жила за железным занавесом, и никто даже представить себе не мог, что когда-нибудь это изменится. Нет, уезжая из Москвы, я был убежден, что никогда больше не увижу Жаворонка. Так оно и вышло. В том письме она ни о чем не просила. Просто хотела, чтобы я знал, что стал отцом во второй раз.

– И вы теперь решили найти своего ребенка? Зачем? – спросила австриячка Анна. Очки на ее круглом личике поблескивали, в них тоже отражался огонь, из-за чего выражения глаз за стеклами было не разобрать.

– Сам не знаю, если честно. Как-то захотелось подвести черту под этой историей. Клэр давно в могиле. С Дженни мы

не общаемся. У меня даже нет места на земле, которое я мог бы назвать родиной. В Израиле я чужой. В Америке меня больше ничего не держит. Я скитаюсь по миру, как лист, носимый ветром. А здесь, в России, у меня есть продолжение, причем от женщины, которую я пусть и недолго, но очень любил. Более того, меня не оставляет мысль, быть может, напрасная, что и Жаворонок может быть еще жива. В конце концов, она была моложе меня. Ей тогда только-только исполнилось двадцать, значит, сейчас нет еще и шестидесяти. Может, они нуждаются в помощи. В общем, я решил их найти.

Раздался звук разбитого стекла и тихий вскрик. Все отвлеклись от американца и как по команде повернулись к столу. Там, в дальнем конце, на углу, где обычно никто не хочет сидеть из-за дурной приметы «счастья в личной жизни не будет», сидела белая, как мел, костюмер Маргарита Романовна, кажется. На ее коленях темнело красное пятно. Макаров даже напрягся вначале, решив, что это кровь, но потом, приглядевшись, с облегчением выдохнул. Нет, всего лишь вино.

– Что случилось, Рита? – мягко спросила Холодова.

– Нет-нет, ничего, – пролепетала женщина, лицо которой теперь сравнилось по цвету с пролитым вином. – У меня бокал выскользнул из рук. Боже мой, какая же я неловкая! Простите меня ради бога.

– Сейчас я все уберу, – к столу подскочила хозяйка усадьбы Татьяна. – Вот, держите салфетки, чтобы промокнуть лу-

жу. Сейчас я заменю скатерть. И не переживайте вы так. Это же сущие пустяки. И всевышнего все не упоминайте. Нехорошо это. Не к месту.

– Да-да. Я больше не буду. – На лице женщины читалась откровенная мука, не очень понятно чем вызванная. – Извините, я вынуждена пойти переодеться.

Она побежала к выходу, и последнее, что успел заметить Макаров, как она, уже в дверях, закрыла лицо руками.

– В общем, я свой рассказ закончил, – снова привлек к себе внимание Сэм Голдберг. – Я здесь, чтобы, если можно так выразиться, вернуться в прошлое. И если мне повезет найти Жаворонка, то я не исключаю, что смогу заново родиться. Если вы понимаете, о чем я.

– Понимаем, – ответила за всех Холодова, чье лицо, неожиданно, тоже было искажено волнением. Тяжелые, по всей вероятности, старинные серьги в ушах дрожали, пуская яркие блики, под стать Сэмовым часам. – Но, чтобы заново родиться, сначала надо умереть.

Глава третья

Несмотря на накопившуюся за день усталость, а может быть, из-за нее, Даша никак не могла уснуть. Дождь бил по стеклам с такой силой, что, казалось, они вот-вот вылетят под требовательно барабаниющими каплями. В полудреме, которая временами накатывала на Дашу, ей чудилось, что продрогший снаружи дождь просит пустить его внутрь, в отопленный дом.

В номере действительно было тепло, даже жарко. По крайней мере, под толстым, мягким одеялом Даша изнемогала, а потому то откидывала его прочь, то снова натягивала, потому что с детства не могла спать раскрытая. А может, проветрить, впустить ночную прохладу? Под звуки дождя и в потоке холодного уличного воздуха так сладко кутаться в теплое одеяло. Может, хоть сон придет, наконец.

Даша соскочила с постели и прошлепала босыми ногами к окну, за которым горел одинокий фонарь, освещавший пустую сейчас автомобильную стоянку, на которой, сиротливо прижавшись друг к другу, одиноко ночевали оставленные владельцами машины. Сейчас они казались Даше продрогшими на насесте курами, и она невольно подивилась силе своего не вовремя разыгравшегося воображения.

По вымощенному плиткой двору текли потоки воды. Да, такого сильного ливня осенью она и не припомнит. Рванув

створку окна, Даша с упоением втянула влажный воздух и тут же закашлялась от резанувшего легкие холода. За окном было градуса четыре, не больше, и в сравнении с уютным теплом комнаты разница казалась обжигающей.

Сквозь пелену дождя двор, точнее, та его часть, куда не проникал свет уличного фонаря, была практически не видна. Лишь какое-то смутное движение уловила Даша, напряглась, увидев мужскую фигуру в накинута на голову дождевике, и тут же расслабилась, узнав Михаила Евгеньевича, владельца гостиницы.

Даша вспомнила, что они с Татьяной жили в отдельном домике, и невольно бросила взгляд на часы, — они показывали половину второго ночи. Интересно, зачем хозяин вернулся в большой дом?

Несмотря на то что окно она приоткрыла самую малость, дождь, воспользовавшись ее безрассудством, тут же скользнул внутрь. Даша почувствовала, как холодная вода течет по ногам, брызжет на грудь, заливая пижаму с медведем на груди, обнаружила, что уже стоит в луже, которая коварно пробирается по полу ближе к уютной кровати. Вот же пустая голова!

Она быстро захлопнула окно, отметив, что успела продрогнуть. Надо вернуться в постель под спасительное одеяло и все-таки попытаться уснуть.

Тревога, которая гнездилась где-то глубоко внутри, снова легонько куснула за ребра. Именно она была причиной

внезапной бессонницы, и, закутавшись в одеяло, Даша недовольно нахмурилась. Сегодня вечером произошло что-то плохое, очень плохое, но Даша не могла точно сформулировать для себя, когда и кто поступил неправильно.

В какой-то момент за ужином она просто физически ощутила разлитое по каминному залу зло. Будто кто-то неведомый ощутил опасность и, как скунс, выпустил удушливую волну зла, от которого сгустился воздух и стало трудно дышать. Даша тогда почувствовала, что ей не хватает воздуха, и, извинившись, вышла из-за стола, пулей выскочила на крыльцо, чтобы впустить холод в легкие, постояла немного, дыша широко открытым ртом. Нервы, всему виной ее расшатавшиеся нервы.

Ее ухода никто не заметил, потому что она сидела с краю, чтобы, как и положено организатору мероприятия, в случае надобности вскочить, принести, подать, исправить, помочь. Да и рассказ Сэма все слушали так внимательно, как будто от него зависела жизнь.

Даше было неинтересно, потому что многое из этого рассказа она уже слышала в прошлые встречи с Сэмом. По крайней мере, та часть, которая касалась его эмиграции в Израиль, переезда в Америку, женитьбы на Клэр и приобретения недвижимости, впоследствии принесшей миллионы, была ей уже знакома. Новостью стали только наличие дочери Дженни, приезд на Олимпиаду-80, короткий, но бурный роман и рождение второй дочери. Но лично Дашу эта история не шо-

кировала ни капли. Мужчины изменяли женам, это она точно знала, причем не в теории, а на практике.

Поиски этой второй дочери Дашу немного удивили, потому что Сэм не казался ни романтичным, ни сентиментальным. Он так спокойно рассуждал о холодности к Дженни, о стене отчуждения, вставшей между отцом и дочерью после смерти Клэр, что желание найти женщину, которую он любил сорок лет назад, и ее ребенка казалось странной блажью.

Впрочем, вся жизнь Сэма в последние восемь лет представляла собой цепочку из его прихотей, которые он вполне мог себе позволить исполнять. Гораздо более удивительным был тот факт, что рассказать об истории, отправившей его на поиски, Сэм решил именно здесь и сейчас, в компании случайно встреченных людей, которые навряд ли могли ему помочь.

Когда она вернулась за стол, атмосфера была уже менее тревожной, словно туча зла, повисев над залом, уплыла в каминную трубу. Сэм отвечал на вопросы, некоторые гости ели, но лениво, скорее по привычке, чем из-за неутоленного голода. Лишь Катя отчего-то волновалась, а еще приехавшая из Австрии Анна и, пожалуй, девушка Настя, явившаяся на тренинг вместе с кавалером и его другом. На этого самого друга Даша посмотрела, чуть скосив глаза.

У него было ироническое выражение лица, и Даша внезапно рассердилась, как будто смеялся он над ней. В конце концов, это был ее Сэм, и, привезя его сюда, Даша несла за

него ответственность. И что этот Макаров о себе возомнил...

Еще ее смущала Рита, уронившая бокал с вином и расстроившаяся чуть не до слез. Потом все устали и ословели от еды, и Катя отложила остальные истории на завтрашнее утро – после истории Сэма рассказывать о себе никому не хотелось. Что-то в его рассказе задевало душу, переключить внимание публики на другое оказалось бы непростой задачей, а Катя была слишком хорошим психологом, чтобы заранее ставить людей в невыгодное положение.

Поэтому все просто пили чай из принесенного Михаилом Евгеньевичем настоящего самовара, растопленного на еловых шишках. И Даша нет-нет да и ловила повисшее в воздухе напряжение: морщинку, залегшую на переносице у Кати, беспокойно бегающие глаза Насти, вздохи украдкой Ольги Тихомировой, нервозную активность Ильи, блеск очков Анны, скрывающий выражение ее глаз, дрожащие руки Татьяны, разливающей чай, тяжелое молчание Михаила Евгеньевича и странное оживление его делового компаньона. Ее внутренние локаторы сегодня были крайне чувствительными к окружающей атмосфере, и от пойманных чужих эмоций Даша под конец так устала, что ее не держали ноги. И вот, поди ты, не может уснуть.

За дверью послышался скрип, словно кто-то шел по ступенькам, стараясь делать это неслышно. Не хотел будить? Или старательно скрывал свое присутствие, потому что задумал что-то плохое? Напряженные нервы, казалось, звене-

ли, словно туча комаров гудела сейчас в ночной тиши комнаты. Даша снова соскочила с кровати, подбежала ко входу, повернула ключ, рывком отворила дверь и уткнулась в грудь Сэма, черт его подери.

– Господи, а ты тут что делаешь?

Он спросил по-английски, как привык с ней разговаривать. То ли давал понять, что она нанятая им служащая, которую выбрали именно из-за хорошего знания языка, то ли просто машинально.

– А вы? Зачем бродите впотьмах? – спросила Даша сквозь зубы, потому что только сейчас поняла, как сильно испугалась.

– Мне захотелось чаю, – в руках Сэм держал большую белую кружку, одну из тех, что стояли на столе в каминном зале, чтобы гости могли сами налить себе чай или кофе.

– Ночью?

– Я плохо сплю. – В его голосе не было ни капли раздражения, как будто он разговаривал с бестолковым, но любимым ребенком. – Редко могу уснуть раньше трех-четырех часов, зато утром сплю до десяти. Ты же это знаешь.

Действительно, в предыдущие поездки Даша могла чувствовать себя абсолютно свободной по утрам, потому что их экскурсии и прогулки начинались не раньше полудня. Она еще активно пользовалась такой возможностью, выполняя другую работу, например, переводы.

– Почему вы не постучались ко мне, я бы принесла вам

чаю?

– Я был уверен, что ты спишь, а у меня нет привычки беспокоить людей по ночам, тем более из-за такой мелочи, как чашка чаю. Я не престарелый, не инвалид, не лежащий больной. Не понимаю, что именно тебя беспокоит. Ты еще что-нибудь хочешь спросить или я могу уже пройти в свой номер и выпить, наконец, чаю?

– Сэм, зачем вы рассказали сегодня свою историю? – выпалила Даша, понимая, что ведет себя неприлично. Отчего-то ей казалось очень важным узнать ответ на этот вопрос. – Еще вчера я спрашивала вас, какое поручение вы хотите мне дать и кого найти, и вы ответили загадочно «всеу свое время». Так что же изменилось? Вы решили, что кто-то из этих людей в состоянии помочь вам лучше, чем я?

Она и сама осознавала, что в ней говорит уязвленная гордость. Проклятый синдром отличницы, который мешал Даше быть счастливой всю ее сознательную жизнь. Ну какая ей разница, почему Сэм решил воспользоваться иной помощью?

– Ты знаешь. – Его голос звучал задумчиво и тихо. Последнее, впрочем, было понятно, потому что на лестничную площадку выходили двери еще двух номеров, и в них наверняка спали люди. – Ты знаешь, девочка, самое необычное и волшебное, что есть в нашей жизни, – это совпадения. На них строится судьба. Всегда. У всех. Тогда, много лет назад, я поехал на Олимпиаду совершенно случайно, потому что

это просто было удобным поводом, который не вызывал бы обиды у Клэр. И наша встреча с Жаворонком тоже была случайной, но именно она подарила мне мимолетное, но долгоиграющее счастье, которое потом грело меня все последующие годы. Я случайно купил то здание на Манхэттене, которое сделало меня миллионером. Я случайно познакомился с тобой, потому что та милая французская девочка, которая была моим гидом в Провансе, могла найти координаты совсем другого московского экскурсовода, и тогда ты бы не предложила мне приехать сюда. Понимаешь?

– Если честно, не очень, – призналась Даша. Только сейчас она начала осознавать, что выскочила на лестницу без тапочек, и у нее начали замерзать ноги.

Сэм вздохнул:

– Я поехал в Россию сейчас, чтобы найти Жаворонка и нашего ребенка. Я обратился к тебе, потому что больше никого здесь не знаю. Ты оказалась занята и привезла меня сюда, в эту усадьбу. И все это было для того, чтобы именно здесь судьба свела меня с нужным человеком.

Даша смотрела непонимающе. Неожиданно ей в голову закралась нехорошая мысль: Сэм сошел с ума, и то, что она сейчас слышит, всего-навсего бред больного разума. Он прибрилизил губы к ее уху и еще больше понизил голос.

– Я рассказал свою историю, потому что увидел свое дитя среди собравшихся, – прошептал Сэм. Его дыхание щекотало ей ухо и шею.

– Что? – отпрянула от него Даша. Может, и впрямь ее работодатель нездоров. Как можно опознать человека, которого ты никогда не видел?

– А то. Нет, конечно, я никогда не видел плод нашей с Жаворонком любви, но пару лет назад я отправил ей дорогую вещицу. Очень дорогую. Я сегодня поведал не всю историю, потому что не хотел ставить мое дитя в неловкое положение. Но тебе откроюсь, конечно, если ты никому не расскажешь.

– Никому, – уныло пообещала Даша, уже не чувствовавшая ног.

– Я получил письмо. Моя детка писала мне, что ее мать, мой Жаворонок, сильно заболела. Для лечения нужны были деньги. Конечно, я не мог не откликнуться и поручил моему финансисту перевести необходимую сумму. Одно из преимуществ пожилого возраста и денег – это возможность обеспечить себе душевный покой. В общем, я послал Жаворонку деньги и еще одну крайне ценную вещь, продав которую можно было оплатить не только лечение, но и другие расходы. Ты же видела мои часы? Так вот та вещь была из пары к ним. Работа старинного мастера, усыпанная драгоценными камнями, очень дорогая. Я и часы сейчас прихватил с собой, чтобы отдать их тоже. И вот сегодня, когда мы расселись за ужином, я вдруг увидел эту вещицу у одного человека. Все сошлось, понимаешь? Я только боюсь – раз эта вещица осталась у моей детки, значит, Жаворонку она уже не понадобилась. И страшусь узнать отчего: потому, что той

суммы, что я послал, не хватило, или потому, что было уже слишком поздно.

Сейчас в темноте лестницы Сэм казался Даше старым, очень старым. Глубокие морщины бороздили его лицо, всегда такое моложавое и подтянутое. Что ж, праздность молодит, а душевные страдания старят, это давно известно. Даша даже про себя знала, что за последние два года своей жизни состарилась чуть ли не на десять лет, а Сэм же намного старше ее.

– Они могли продать ту вещь, которую вы прислали. И сейчас она принадлежит уже новому владельцу, – поспешила успокоить она Сэма. – Я понимаю, почему вы рассказали свою историю – думали, что ваша дочь откликнется, узнает вас. Но этого не произошло. – В том, что она сейчас сказала, было что-то неправильное, но заикливаться сейчас на этом было некогда. – Поэтому та вещица сейчас находится у человека, для которого ваше прошлое ничего не значит. А ваша Жаворонок благодаря вам поправилась, жива-здоровая, и вы обязательно ее найдете. Мы найдем, – поправилась она.

– Видишь ли, девочка, ты сделала из моего рассказа не совсем правильные выводы. – Сэм мимолетно улыбнулся. – Наверное, оттого, что я все-таки в значительной степени забыл русский язык и не могу выражаться предельно ясно. Видишь ли, какое дело...

Он не успел договорить, потому что внизу, на первом этаже, раздался страшный грохот. Даша даже подпрыгнула от

неожиданности и схватила Сэма за руку – тонкую, уже старческую с чуть дрябловатой кожей. Чай пролился на ее босые ноги, но, к счастью, он уже успел остыть.

– Что это?

Распахнулась дверь соседнего номера, и на пороге появилась Анна. Сейчас она была без очков, и ее глаза, казавшиеся неестественно большими, растерянно блуждали по фигурам застывших Сэма и Даши. Видимо, она действительно практически ничего не видела без очков. Впрочем, странное дело, заспанной она не выглядела.

– У нас тут что, кого-то убивают? – поинтересовалась она.

– Хочется верить, что нет.

Из последней двери высунулся всклокоченный Игнат, и Даша обрадовалась, что ей самой не нужно тащиться вниз.

– Там что-то упало, – сказала она, – вы не могли бы сходить посмотреть, а то Анна без очков и может упасть, а я босиком.

– Конечно. – Игнат выразил полную готовность к приключению и начал спускаться по лестнице, ни капли не встревоженный. Видимо, в отличие от Даши у него была гораздо более крепкая нервная система. Конечно, его же не бросал любимый человек.

Даша свесилась через перила и увидела Евгения Макарова, тоже вышедшего из своего номера. За его спиной маячила долговязая фигура Ильи.

На краткое мгновение мужчины, все трое, исчезли из поля

ее зрения, но вскоре вернулись.

– Ветром выбило стекло во входной двери, – сообщил Игнат, задрав голову. – На улице настоящий ураган со штормом. Похоже, наши хозяева, уходя, не заперли дверь, вот она и хлопнула. Вода хлещет, ничего не поделаешь, надо будить хозяина, до утра так не оставишь, полы зальет. Даша, у вас есть их телефон? Не хочется бежать в коттедж под проливным дождем.

– Да, конечно, я сейчас принесу. – Даша повернулась к своему номеру, радуясь, что наконец сможет надеть тапочки. – Сэм, давайте завтра договорим. Раз уж тут такое.

– Конечно-конечно, – пробормотал американец и шагнул через порог своего люкса.

* * *

Несмотря на ночной переполох, Макаров отлично выспался. Поднятый впотьмах Михаил Евгеньевич заколотил дыру во входной двери, пообещав днем вставить новое стекло, прибежавшая Татьяна собрала осколки и даже пол вымыла, чтобы никто из гостей не порезался, успокоенные постояльцы разошлись по своим комнатам, и около трех воцарилась тишина, которая встречается только за городом, – полная, безмятежная, нарушаемая лишь монотонным стуком дождя по стеклам и жалобным скрипом веток, страдающих от неистовства ветра.

К утру дождь не утих ни на йоту, за окном было сумрачно и уныло, и, видимо, из-за этого обычно встающий в полседьмого утра без всякого будильника Макаров продрал глаза лишь к восьми. На соседней кровати сладко дрых мальчик Илья.

Для тридцативосьмилетнего Макарова двадцатидвухлетний студент был «мальчиком», и, оценив это обстоятельство, Евгений вдруг усмехнулся, невольно иронизируя над собой. Он-то уже точно не мальчик, у которого впереди вся жизнь с ее открытиями, победами, падениями и снова взлетами.

У него за спиной был богатый жизненный опыт, благодаря которому Макаров считался неплохим профессионалом, незадавшийся брак, из которого, впрочем, удалось выбрать-ся без особых потерь, маленькая, но зато своя квартира, приличная машина – он ее обожал и относился как к одушевленному существу, еще не старые и полные сил родители, к тому же его лучшие друзья, и настоящее увлечение – поисковый отряд, где в экспедициях Макаров отдыхал душой от грязи, налипающей за год работы – тяжелой, неблагодарной, но любимой.

Да, жизнь, пожалуй, удалась. И главное, в ней уже давно нет ни капли той непредсказуемости, что ежедневно заставляет таких вот мальчиков, как Илья, кидать жизни вызов. Бедное оно бедное, это поколение двадцатилетних, от которых требуют так много и взамен не дают никаких гарантий. Где будет работать этот специалист по китайскому? Куда за-

несет его судьба в поисках лучшей жизни? Сколько лет придется горбатиться, чтобы выплатить висящую камнем на шее ипотеку, без которой надежды на собственное жилье становятся абсолютно призрачными?

Макаров бросил новый, теперь уже полный жалости взгляд на сопящего студента. Голая нога высунулась из-под одеяла, длинная, худосочная, с сорок пятым размером, не меньше, покрытая темным, еще детским пушком. Точно мальчишка.

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Илью, он быстро сходил в душ, натянул джинсы, майку и толстовку, зашнуровал ботинки, сунул в задний карман зарядившийся за ночь телефон и выглянул в залитое дождем окно. Открывавшаяся из него картина была безрадостной.

Пожухлая трава газонов стелилась вдоль мокрой земли, окончательно лишенная жизненной силы. Деревья за ночь скинули большую часть листвы, и сейчас она устилала двор и дорожку к отдельно стоящим домам, как выброшенный на свалку старый свалывшийся ковер. Если в сентябрьских днях, полных золото-багряной листвы, еще было что-то изысканное, как патина на старинных произведениях искусства, то приближающийся октябрь срывал любой романтический флер, открывая бесстыдное уродство угасания.

Теперь с каждым утром за окном будет все темнее. Эта темнота съест яркие краски, распространяя вокруг лишь разные оттенки серого, превратит шуршание листопада в

расползающуюся под ногами гниль. В воздухе будет висеть дождь попеременно с печалью, которая, как сырость, умеет проникать в любые щели, заползая в том числе и в душу.

Затем выпадет первый снег, который тут же умрет и превратится в грязь. Кажется, у кого-то были такие стихи, но в поэтах Макаров был не силен. Грязь будет противно чмокать под ногами простуженных людей с угрюмыми лицами. С улыбками и живым блеском в глазах можно будет распрощаться до весны. Никто не улыбается под непрерывным дождем и не восторгается голыми ветками. И если по дороге в усадьбу Макаров восхищался осенним многоцветьем трассы и думал об осени с нежностью, то сейчас он точно знал, что не любит это время.

Хотелось есть. Тихонько притворив за собой дверь, Евгений пробрался в каминный зал, где, как их предупреждали накануне, будет накрываться завтрак. Татьяна сновала между столиками, которые сегодня не были сдвинуты вместе, расставляя на уже занятые маленькие кофейники. Чудесный аромат плыл по залу, и Макаров снова приободрился, потому что для него доброе утро обязательно начиналось именно с кофе.

– Омлет? Сырники? Домашний творог или каша? – спросила Татьяна Макарова.

Он застыл в задумчивости, потому что неожиданно захотел все и сразу. На центральном столе стояли тарелки с нарезанной колбасой и сыром, хлебом, маслом, джемами и ме-

дом, а также с хлопьями, к которым прилагался кувшин горячего молока. К завтраку в усадьбе подходили основательно.

– Надо выбрать что-то одно?

– Нет, – заверила Татьяна, – только решайте побыстрее, если можно. У меня администратор на работу не вышла, так что я одна на хозяйстве. Я бы посоветовала вам обязательно попробовать творог, он у нас деревенский, мы у фермеров берем. Чудо, какой вкусный. А дальше уже на ваш выбор. Каша готова, сырники тоже, омлет сделаю.

– А каша какая? – внезапно Макаров почувствовал себя как в санатории. Он недавно отправлял родителей в Кисловодск, и о тамошних завтраках они рассказывали с придыханием.

– Овсяная, – покладисто ответила Татьяна.

За соседним столиком засмеялась газпромовская Елизавета, которую Макаров про себя окрестил «молодой карьеристкой».

Сейчас он впервые рассмотрел ее как следует. Она тоже была довольно симпатичной, хоть и обычной. Резкие порывистые движения выдавали властную натуру, привыкшую прислушиваться только к своему мнению. Да и женственности в ней не было ни на грамм. У такой породы женщин женственность не в чести. Они и сексом занимаются, если, конечно, находят на него время, словно проводят производственное совещание: с графиками, амплитудами и дедлай-

ном. От подобной перспективы Макаров даже содрогнулся и поспешно начал есть принесенный ему творог, действительно оказавшийся выше всяких похвал.

Помимо Елизаветы в этот ранний час на завтрак присутствовала только мать Ильи, располневшая, но довольно красивая женщина, которую, как помнил Макаров, звали Ольгой. Сегодня с ней впервые была дочь, девочка лет четырнадцати, гораздо больше похожая на мальчика: с неровно выстриженной челкой, бритым затылком, татуировкой на запястье правой руки, то и дело вылезающей из-под длинного рукава черной толстовки с капюшоном. Она ела молча, не глядя по сторонам и не отрывая глаз от телефона.

– Саша, тебе сделать бутерброд? – спросила Ольга, но девочка даже ухом не повела.

«У нашей Сашеньки сложный характер», – вспомнил Макаров. Войдя в зал, он, естественно, поздоровался, и ему ответили все, кроме девочки.

Отворилась дверь, и в комнате, которая сейчас выполняла функцию столовой, появилась Даша, немного встрепанная со сна. Светлый ежик на затылке воинственно торчал, на щеке явственно виднелся след от подушки, спортивный кашемировый костюм, выглядящий крайне уместно в такую мерзкую погоду, ладно облегал невысокую фигурку с округлостями в нужных местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.